

ДЕЛО № 1 _____

Небесная

Канцелярия

сборник рассказов

ИСПОЛНИТЕЛЬ Руслан Ковальчук

16+

Руслан Ковальчук

**Небесная канцелярия.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Ковальчук Р. В.

Небесная канцелярия. Сборник рассказов / Р. В. Ковальчук —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-05085-3

Сборник рассказов про интересные, порой нелегкие взаимоотношения между небесами и землей. Между теми, кто управляет жизнью, перекладывая папки, и теми, кто жизнь проживает. Комедия и трагедия, смех и грех, черные крылья и белые крылья... Цветной калейдоскоп жизни и смерти.

ISBN 978-5-532-05085-3

© Ковальчук Р. В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Удавшаяся жизнь	5
Бездевушка	11
Фея ночной реки	24
Электрик от Бога	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Руслан Ковальчук

Небесная канцелярия. Сборник рассказов

Удавшаяся жизнь

В ту ночь луна светила на редкость ярко. Ее белый вкрадчивый свет пробивался сквозь маленькое окошечко деревенской хаты, выхватывая из ночной темноты нехитрую обстановку сельской жизни. И как бы между прочим лунный свет падал на изможденного старичка, сидевшего на кровати.

Алексею Митрофановичу тем днем особо нездоровилось. Еще с утра в голове был полнейший кавардак и кружение, в ушах стреляло, как на войне, спина ломила, не вздохнуть. И эта чертова нога! Нога, что почти не слушалась Митрофаныча после третьего инсульта. В тот день она была на редкость непослушна. В общем, день с утра не задался. И ничего путного по хозяйству не сделал, и сил не было. Словно и не было того дня.

А уж той ночью, когда Митрофаныч по нужде на ведро сходил, и вовсе беда. Не понятно, какими силами добравшись до кровати, старик сидел вконец измочаленный. И лишь одна мысль вертелась в голове: «Надобно бы лечь по-людски. А то окочурюсь вот так, сидячи, так сидячего и похоронят, ироды!». Собрав все силы, старик неимоверным усилием забросил на кровать сперва абсолютно непослушную и уже бесчувственную ногу, за ней последовала не намного послушнее вторая... Все, справился.

В тот момент силы покинули старика окончательно, а всего его словно под воду опустили, не вздохнуть, не повернуться. Словно гад какой морской на дно утянул. Проваливаясь все глубже и глубже в пучину, дед даже и не думал сопротивляться. Сил на сопротивление просто не осталось. В один момент его старое, измученное тело пронзила адская, нестерпимая боль, словно током ударило. Но боль тут же отошла, сменившись изумительным зрелищем перед глазами. Тысячи и тысячи разноцветных огоньков замигали вокруг Алексея Митрофановича, переливаясь дивными, невиданными красками. Может, и не перед глазами, может, это все в голове старика – не важно, уж больно красивы были огоньки. «Ишь ты, какая красота! – думал Митрофаныч. – Салют, что ль кто устроил?».

Но салют продлился недолго. Как бы само собой, Митрофаныч оказался в длиннющем, светлом коридоре. Ни какого цвета коридор, ни из каких материалов сделан, старик так и не мог понять, одно понятно: светлый. Он стоял в длинной очереди каких-то людей, а впереди едва виднелась стойка, что-то вроде регистратуры в поликлинике.

И снова, как бы в одночасье, как бы само собой, Митрофаныч оказался возле этой самой регистратуры. За стойкой сидела какая-то женщина, не пойми во что одетая, не пойми какого возраста, с собранными в «гульку» волосами. «На докторшу нашу похожа», – подумалось Митрофанычу. Докторша, вся обложенная какими-то папками и бумагами, что-то писала, не поднимая взгляда на старика.

– А вот и Алексей Митрофанович пожаловал, – сказала она, не отрываясь от работы.

– А я чего, в больнице, милочка? – поинтересовался у нее старик.

Дама на мгновение оторвала глаза от бумаг и пристально, словно рентген, взглянула на старика, просветив его насквозь.

– Докторша! – хмыкнула дама. – Отлечился уже, поди, болезный. Хватит!

– Так это я чего? – забеспокоился Митрофаныч. – Это я того... как бы это...?

– В процессе, – бросила докторша старику, не отрываясь от писанины.

– А где ж тогда эта, безносая, с косой? – недоумевая, вопрошал Митрофаныч.

Барышня снова оторвала взгляд от бумаг, взглянув на старика уже как-то недобро.

– А Харона с лодкой тебе не подать, эстет деревенский?! – возмутилась она. – Эка, требовательные пошли! Тому тоннель со светом, тому сады райские. Скажи спасибо, что салют устроили!

– Спасибочки конечно, да только я не заказывал, – ответил виновато старичок.

– А тебя и не спрашивали! – отрезала дама. – Сюрприз на дорожку. И вообще, – продолжила она, уже копясь в бумагах, – давай сюда свое согласие, не задерживай мне очередь!

Старик обернулся назад. А за ним вдоль бескрайнего светлого коридора, стояло бесчисленное количество каких-то безликих людей. Хвост очереди уходил куда-то вдаль, за горизонт, словно скрываясь в загадочной дымке.

– Подписать чего надо, милочка? – поинтересовался старик.

– А ну-ка, руки покажи! – деловито сказала дама.

Старик поднял обе руки и с ловкостью фокусника продемонстрировал отсутствие чего-либо в них.

– Так, – продолжила докторша или кто она там такая, – еще один несогласный.

Старик хотел было возразить, что, мол, ничего против не имеет, пожил, мол, как скажут. Да и вообще, спорить с такими... м-мм, кто они там, не его ума дело. Но пока он собирался с мыслями да думал, как сказать, чтоб чего лишнего не ляпнуть, дама решительным движением сняла телефонную трубку, что-то невнятное буркнула – и возле стойки образовался (то ли пришел, то ли ветром принесло) какой-то элегантный мужчина, одетый во все светлое.

Как и с докторшей, Митрофанчу совсем не удалось понять ни возраста, ни каких-либо особых примет мужика. Но единственное, что сразу обратило на себя внимание – это запах, исходивший от мужчины. Этот дивный аромат цветущего весеннего луга, благоухания природы после дождя, запах надежды в ожидании чуда и непередаваемый аромат юности, щекочущий нос и душу...

«Дорогие, поди, духи», – подумал Митрофанч.

– Спасибо за оценку! – сказал мужчина, нисколько не смущаясь, как это обычно бывает с теми, кого хвалят.

И уже более деловито продолжил:

– Ну что же вы, Алексей Митрофанович? 78 годков, 3 инсульта, сердечко совсем больное...

– Да я же ничего, – робко возразил Митрофанч, – я же не бузю. Надо – так надо. Мне бы только внучку, Настеньку...

– Замуж выдать? – перебил старика мужчина.

– Да! Она у меня такая... – мечтательно, с любовью сказал старик.

– А то без тебя она век в девках проходит! – язвительно заметила докторша, не отрываясь от работы.

Мужчина в светлом взял какую-то папку, протянутую ему дамой за стойкой, и, не открывая оную, сказал Митрофанчу:

– А пойдете-ка, друг разлюбезный, со мной.

Старик покорно проследовал за мужчиной в какой-то просторный, такой же как коридор, светлый кабинет, где ему было предложено усесться в уютное кресло. Да и как проследовал-то? Словно по воздуху пронесся! Ни нога, ни спина, что так досаждали Митрофанчу в жизни, никак о себе не напомнили. Да и голова была ясна и светла. Как будто и не было тех хворей и тех прожитых лет.

В кабинете мужчина продолжил:

– Алексей Митрофанович, не поймите меня превратно, я никоим образом не приговариваю вас к чему-то, не казнию и на тот свет не отправляю. Только, голубчик мой, срок пришел.

– Да все я понимаю, – обреченно ответил старик, – мне бы только пару неделек... – продолжил он с мольбой и надеждой в голосе, – внучка моя младшенькая, Настенька, замуж выходит. Мне бы хоть одним глазком на нее взглянуть.

– Отчего же не взглянуть? – ответил мужчина и достал из кармана какой-то пульт.

На пульте он нажал какую-то кнопку и на стене кабинета невесть откуда образовался большой телевизор. И там, по телевизору, показывали Настеньку! Всю в белом, с фатой, при цветах, улыбающуюся и счастливую, словно ангел, спустившийся с неба! От этой картины по морщинистой щеке старика сей же час потекла скупая мужская слеза счастья.

Она, Настенька, самая младшая внучка, была его любимицей. Может, от того, что младшая, а, может, и от того, что уж такой распрекрасной уродилась. И сам Митрофаныч, и жена его, в Настеньке души не чаяли. Бывало, сядут они с бабкой на скамеечку под вишней, а она, Настенька, станет перед ними на табуреточку, да как зальется песенкой али стишком каким – словно соловей щебечет. И от этого щебета дедкина да бабкина души так и расцветали белым цветом, что та вишня по весне!

И внучка отвечала той же любовью. На лето Настина мать, Митрофаныча дочка Светлана, отправляла внуку к деду в деревню. На все лето. Эх, какие времена были! Хоть и приходилось возиться с непоседой Настенькой, да только в радость были эти хлопоты. И он, уже не молодой, и жена его, давно не девочка, сбрасывали с плеч лет по двадцать, лишь только Настенька оказывалась на пороге их деревенского дома. И потом она частенько заезжала к Митрофанычу, даже когда уже крепко повзрослела, когда в институт пошла. То продуктов привезет, то по хозяйству поможет. Никогда не забывала о дедушке с бабушкой. И даже когда благоверная Митрофаныча Богу душу отдала, Настенька не забывала навещать к уже одинокому, старому и больному деду.

– Да все с ней будет хорошо, – прервав сладостные стариковские воспоминания, сказал мужчина в светлом, – и жизнь у нее будет долгой, и счастье ей будет в этой жизни. Да и никуда она не денется, точно замуж выйдет.

На лице старика читались нотки сомнения. Не верить мужчине в светлом Митрофаныч не хотел, уж больно хорошо от него пахло. Но и верить вот так, на слово...

– Зря сомневаетесь, Алексей Митрофанович, – словно читая мысли, заметил мужчина, – я и о вас, и о внучке вашей, и о том, как она в Вашей жизни появилась, знаю гораздо больше, чем вы можете подумать.

С этими словами мужчина распахнул папку, быстро перелистнул исписанные странички и, ткнув пальцем в нужную строку, протянул папку старику.

– Извольте убедиться сами.

На том листе ровным и красивым, совсем не стариковским, но знакомым до боли в сердце почерком было написано: «А на старости мне услодой пусть будет внучка – ангелочек маленький. И пусть не забудет она меня, когда вырастет, пусть навещает, хоть иногда. Уплачу за нее дорогую цену».

Последняя фраза как-то смутила старика, но мужчина в светлом развеял смущения:

– Уже заплатили. Первым инсультом.

«Был такой, зараза», – подумал старик.

– И жизнь у нее будет долгая и интересная... – как бы куда-то вдаль сказал мужчина в светлом.

И уже обращаясь к старику, добавил:

– Вот у вас, да, у вас, Алексей Митрофанович, жизнь-то удалась?

«А что, а удалась-то!», – подумал Митрофаныч.

И вновь перед его глазами, словно по тому телевизору, четко и ясно понеслись картинки его долгой и нелегкой, но удавшейся жизни.

И военное детство, когда с братьями и сестрами, босиком в простывшей избе стояли подле матери в ожидании краюхи. Молча стояли, не толкались, не дрались, а смиренно ждали, когда мать разделит нехитрую снедь, невзвесть откуда добытую в тяжелые военные годы. Может потому та краюха была слаще любого заморского мармелада. И работать приходилось за ту краюху всем: и стару, и младу. Да и потом, в послевоенную разруху, когда после тяжелого дня в поле, вечерами в райцентр на учебу топать приходилось. Это после уже председатель грузовичок снарядил возить детишек в школу. А поначалу пешком. Да ведь что оно, 7 км в одну сторону для молодых ног? Удовольствие – да и только! Особенно когда кто из пацанов махорочку раздобудет на всю честну компанию. Ядреную такую, чтоб горло драло, да глаза слезились.

А потом армия. Танкистом. Потому как к технике у Митрофаньча руки были ой как прилажены. Весело было, хоть и тяжело временами. И после, когда в колхозе трактористом да шофером работал с утра до ночи. До бригадира дорос. Может, и председателем бы стал, да только горькая с пути сбила. Да и как шоферу-то не пить? Там нальют, там угостят. Шофер и тракторист – он всем нужен. Вот все-то, чем могли, тем и благодарили.

Ох, и крутила порой фортели эта горькая с Митрофаньчем! Когда узнал молодой папаша Алексей о том, что мальчик у него родился, первенец, так загулял – аж вся деревня содрогнулась. Три дня кряду! А после такая похмелуга была – вспоминать не хочется! Даже жену с дитем забрать с роддома не мог, друга Митьку послал. Влетело же потом Митрофаньчу от его супружницы по самое «не балуй»! Но поделом.

– А пить и курить вы бросили как раз после второго инсульта, – как бы невзначай заметил мужчина в светлом.

«Да, 2 недели в больнице провалялся, уколами и таблетками нашпигованный. 2 недели – ни грамма в рот, ни сигареты в зубы. Да и куда? В перекошенную рожу не то что стопка, еда с трудом влезала, на одних больничных кашках сидел. А уж после, когда домой вернулся, и начинать как-то не хотелось. Да и незачем? Дел-то и так полно, гулять да дымить некогда».

– А с женой мы вам как, угадали? – вопросом–наводкой спросил мужчина в светлом.

Да, жена–то у Митрофаньча справная была!

По молодости он, Митрофаньч, еще Алешкой, парнем был – хоть куда! Статный, рослый брюнет без единого намека на седину. И работать был горазд, и веселиться. Хоть и гулял за троих, но парнем был добрым, отзывчивым. Любил его народ.

А уж девки как за ним – словно пчелы за цветком! Всякие разные: и чернявые, и белаявые, все по Лешке сохли. А уж какие красивые! Глянешь лишь – ноги подкашиваются.

А он, первый красавец на селе, Верку себе в жены взял. Неприметную такую, росточка невысокого. Никто не верил до последнего, что женится. Друзья-товарищи об заклад бились, что свадьбы не будет. А он взял – и женился!

Да что ж такого в ней было то? Так, шкет-коротышка. Хоть и одевалась не броско, да только на личико была ну такая красавица – хоть картины пиши! И росточка Бог не дал, но складная была – словно куколка! А уж работающая какая! И в поле, и в кузне молотобойцем, и по хозяйству. Да и в гулянке – первая плясунья, никто переплясать не мог. Искорка в ней была какая-то. Божья искорка. Горела она вся, словно солнышко маленькое в ней было. Вот ее-то, искорку, и углядел тогда Алексей Митрофанович. А потому и в жены взял.

И не прогадал. Вера Ильинична и женой была отменной, в хате завсегда чисто и вкусно; и матерью – лучше всех на свете. А уж бабка из Ильиничны вышла – всем бабкам бабка! И накормит, и развлечет, и убаюкает. Бывало, сказку внукам на ночь рассказывает, а Митрофаньч рядышком сидит, слушает. Уж больно хорошо Вера Ильинична рассказать могла, любой заслушается!

Ладно они с супругой жили. Хоть и не богато, но по чести-совести, чтобы от людей глаза не прятать. И детей подняли. Они, детишки, потом разлетелись кто куда, взрослые стали, самостоятельные. На то ведь и растили. И внуков выпестовали. Ладно жили.

И не сказать, чтоб вот так прям в рот друг дружке заглядывали. Всяко случалось. И размолвки, и скандалы... все, как у людей. Что по Веркиной дури бабской (а куда ж без нее?), а где и Митрофаныч маху давал. Все по пьянке–гулянке.

Митрофаныч, хоть и женатым уже был, да только натуру свою блудную никак приструнить не мог. То тут, то там по девкам шлялся. И повадился он как-то к Нельке, что на третьей улице, после работы захаживать. День захаживал, два захаживал... А третьего дня неладное почуял. Уж больно там чесаться начало. Наградила его Нелька этими м-mmm, как их м-mmm, вошками, что там. Ух и скандалище тогда Верка ему учинила! Чуть не разбежались.

– Все, как по заказу, – вновь в раздумья вмешался мужчина в светлом, – убедитесь сами.

С этими словами он распахнул папку на нужной страничке и протянул Митрофанычу. А там тем же стройным знакомым почерком было написано: «А если при живой жене в блюде меры мне не будет – пусть станет хворь мне какая, деликатная, излечимая».

– Как видите, сами заказали, сами и получили, – как бы с поддевкой заметил мужчина в светлом, – и деликатная, и излечимая.

– Уж да... – то ли сказал, то ли подумал Митрофаныч. Уже и не разберешь, что сказано, а что, как наяву, помянуто.

Но прощала ему, гуляке, Вера Ильинична его поступки срамные. Потому как любила очень. И женщиной мудрой была. Мужик гуляет – что кобель по селу носится. Погуляет, погуляет, да домой обратно вернется, избу сторожить.

А уж когда Митрофаныч всерьез занедужил – не до гулянок, жена его верная подле него была, обхаживала. Если бы не она, Митрофаныча бы уже давно ногами вперед понесли.

И всегда в ней огонек тот горел, искорка Божья. Даже когда бабкой уже была. Всегда светила. А потом, к глубокой старости, эта самая искорка угасать потихоньку начала. А вместе с ней и глаза у Веры Ильиничны. Угасала, угасала, да и вся потухла. Огонь погас – и жизнь угасла. Проснулся одним утром Алексей Митрофанович, повернулся к жене своей, Вере Ильиничне – а она уже и холодная. Во сне Богу душу отдала. Тихонечко так ушла, без стонов и шума, словно тревожить его, старика, не хотела. Его тогда третий инсульт и разбил. И ногу отняло. Когда ж это было то? Пять? Шесть лет тому?

– Три года назад, – уточнил мужчина в светлом, – ровно три года и одна неделя.

«Ишь ты! Три года!», – подумалось Митрофанычу.

– И касательно вашей просьбы, – продолжил мужчина уже более деловым голосом, – ваше присутствие на внучкиной свадьбе, хоть и нежелательно, но вполне возможно.

Старик аж оживился.

– Но платой за это будет четвертый инсульт и полный паралич, – с этими словами мужчина в светлом вновь начал искать запись в папке, но Митрофаныч остановил его.

– Верю, что сам, – сказал Митрофаныч.

– Инсульт приключится вам прямо на Настинной свадьбе, – продолжил пророчить мужчина в светлом, – год после бревном пролежите, даже моргать сами не сможете. Досматривать вас особо и некому будет. Разве что внучка ваша, Настя. Да дети иногда. И то, по возможности.

Старик очень явственно, словно бы это было на самом деле, представил себе... да нет, увидел этот печальный финал, длиною в год. Он видел себя, обездвиженного, словно мумия, лежащего в собственных нечистотах, совершенно ничего не чувствующего, незрячего и почти глухого, лежащего на кровати в ожидании хоть кого-нибудь. Да в ожидании смерти! Увидел сей ужас безутешными глазами Настеньки, глазами своих детей, полных скорби. Ужас и отчаянье, когда перед тобой вроде и родной человек, а уже и не человек вовсе.

В те секунды мыслей наяву Митрофаныч не просто видел, он чувствовал. Чувствовал сердцами своих близких. Переживал их скорбь, их опустошенность и злость. Ту злость, когда ты совершенно не в силах что-либо изменить и просто ждешь избавления, хоть каким бы оно ни было. То ли на себя злость, то ли на судьбу-злодейку, то ли на Бога...

Да разве для того он жил, для того детей растил да внуков пестовал, чтобы вот так, под конец жизни, злыднем по своей воле стать?! Не бывать тому!

– Нет! – решительно и в то же время обреченно отрезал старик. – Раз пора, значит пора.

– Вот и ладушки, – по-доброму ответил мужчина в светлом, – пойдете-ка, любезный мой.

С этими словами мужчина в светлом взял под руку старика и они вместе, то ли ногами, то ли по ветру, проследовали к той самой регистратуре, к той самой даме-докторше.

У регистратуры мужчина отдал папку Алексея Митрофановича даме и на прощание, ничего не говоря, пожал старику руку. Не просто, как мужчина мужчине, а как отец сыну с напутствием в дорогу. И так тепло и светло стало Алексею Митрофановичу от того рукопожатия, что ни от страха, ни от сомнений никакого следа не осталось. Лишь решимость и вера в то, что все будет хорошо.

– Согласие? – вопрошающе сказала Митрофанычу дама, не отрываясь от писанины.

Старик взглянул на свою руку. А в руке неведомо каким образом появилась бумаженция. Старик протянул эту бумаженцию даме. Дама быстрым движением вложила бумажку в папку, встала к шкафу, что за ее спиной и вложила дело всей его ладной жизни в стопку к другим, стройно стоявшим папкам, коим не было числа.

– Следуйте прямо по коридору, – сказала Митрофанычу дама, – никуда не сворачивая.

И старик пошел. Пошел прямо по светлому коридору в ту загадочную даль, о которой живущим знать никак не положено.

В то утро Настенька, внучка Алексея Митрофановича, заглянула к деду пораньше. Часам к 7 уже была.

По обыкновению Настя распахнула двери деревенской избы и, зная плохой слух деда, громко сказала: «Здравствуй, дед ты мой прекрасный!». Но ответа не последовало. «Спит еще», – подумала Настя. И хоть в это время дед обычно уже не спал, она решила повременить с побудкой. Не теряя времени, Настя пошла открывать курятник.

Вернувшись, она так и не увидела улыбающегося деда, хромой походкой на всех парах бегущего к ней, чтобы обнять свою ненаглядную внучку. А вместо этого увидела она Алексея Митрофановича, мирно лежащего на кровати, с закрытыми глазами и руками, скрещенными на груди, словно в знак смирения. И лицо деда. Умиротворенное лицо. Лицо человека, почивающего после тяжелого, сложного, но крайне удачного, законченного дела. Дела всей его удавшейся жизни.

Бездевушка

Свежий ноябрьский воздух весело подхватывал сизые клубы сигаретного дыма, унося их прочь от форточки куда-то в даль. На улице дым послушно рассеивался без следа, как рассеиваются наивные детские мечты или сказочные сны в отрезвляющих холодом буднях.

Марина докурила очередную, уже не понятно какую по счету сигарету, ловким движением метнула окурочек в форточку, помахала рукой в сторону окна, то ли пытаясь выгнать остатки курева, то ли прощаясь с дымом, и направилась в сторону кресла. На сегодня остался последний клиент. В первый день после отпуска совсем не хотелось работать «до звонка», но махнуть на все рукой Марине не позволяла с трудом заработанная репутация. Уронив грузное тело в насиженное кресло, Марина приняла многозначительное (то есть ни о чем) выражение лица и стала покорно ждать очередного визитера.

Помощница Люся завела в кабинет какую-то грузную женщину. Тетка за 40, давно разменявшая центнер в теле, пыхтящая как паровоз, с ловкостью слона в посудной лавке, продефилировала к предложенному ей стулу и плюхнулась в него всем своим неподъемным естеством. По обилию украшений поверх не дешевой одежды можно было заключить, что визитерша не из бедных. А по тому, с каким поразительным безвкусием все это было подобрано, явно торгашка. «Жирный клоп, трухнем», – мельком подумала Марина, сохраняя при этом «ни о чем» выражение лица. От тетки исходил дорогой, но катастрофически тяжелый, удушающий муху в полете, аромат духов. Почти таких же, какими пользовалась Марина.

Со стороны казалось, будто бы одна сестра пришла проведать другую. Но ни братьев, ни сестер по крови из ныне живущих у Марины не было. Может, кто и был, но о них Марина решительно ничего не знала.

Тяжело вздохнув, дама полезла в сумочку, чтобы достать фотографию.

– Вот, – произнесла дама, вручая Марине фото какого-то смазливового мужика, – мой муж. Две недели как пропал. Телефон отключен, на работе его нет, друзья ничего не знают... Я уже и в полиции была, и больницы все обзвонила, и морги! – срывающимся на рыдания голосом продолжала дама. – Даже и не знаю, что думать?!

Марина понимающе кивнула головой и, ничего не говоря, начала всматриваться в фото. За годы работы Марина приучила себя не болтать лишнего с клиентами. Все по делу. А по делу Марина всегда отвечала пространно, старалась не давать какой-либо конкретики, оставляя пространство для отступления. Профессиональная сноровка.

Откровенно говоря, фотография ей не особо то и нужна была. Но нужно было делать вид хоть какой-то деятельности. «Надо возноситься», – тяжело подумала Марина и, мысленно оставив визитершу наедине с ее безутешным горем, начала привычный сеанс «вознесения».

Туман перед глазами, чувство падения, адская кратковременная боль во всем теле... и Марина оказалась в длинном, светлом коридоре. Марине не очень нравилась эта боль, хоть и была она короткой, как выстрел, но иного способа «вознестись» она не знала. И потому Марина старалась не злоупотреблять «вознесениями». Пару раз за день, не больше. Остальные насущные вопросы решались наобум или профессиональной интуицией, как она ее называла.

Все, что нужно было сделать в «Бюро находок» (так Марина называла место, куда она регулярно «возносилась» по производственным вопросам) – это взять уже заполненный бланк заказа за стойкой, совершить мизерную оплату и получить испрашиваемый ответ на клочке бумажки. Плевое дело. Но не сегодня.

«Да что за чертовщина тут твориться?!» – в сердцах, но про себя возмутилась Марина. Вместо привычной очереди из десятка от силы человек Марина оказалась в хвосте безнадежно огромной толпы. Стойка заказов, к которой, собственно, все и стояли, с трудом угадывалась

где-то далеко впереди, словно скрываясь в загадочной дымке, как скрываются заветные мечты. Ей на мгновение даже показалось, что в этой жизни она своей очереди точно не дожидается.

Благо дело, «Бюро находок» – особое место. Тут все мысли, все мечты и все воспоминания обретают потрясающую реалистичность, словно яркие сны в далеком детстве. Это когда ты просыпаешься, а реальность менее реальна, чем то, что с тобой происходило во сне. Можно было мечтать о чем угодно. Да хоть о розовом слоне! И эта огромная, ушастая и хоботастая мечта, появившаяся еще секунду назад, тут же принималась скакать и топотать, содрогая стены в общем-то тихого помещения. Было очень забавно.

А еще можно было мечтать о самом откровенном, интимном, не боясь досужих домыслов и осуждений. Прелесть состояла в том, что никто не видел твоих образов и не знал, о чем ты сейчас думаешь. Все происходило в твоей собственной вселенной, словно ты сейчас совсем не в очереди, а в какой-то сфере, абсолютно непрозрачной для всех остальных. И что происходило внутри, было тайной для всех. Почти для всех...

«Бюро находок» – не базар и не магазин, тут без очереди не протолкнешься. И дабы скоротать время, Марина принялась мечтать о чем-то совсем не напрягающем мозги. Но, то ли день сегодня был не мечтательный, то ли мозги под конец дня киселем... Вместо чего-то эдакого Марина начала вспоминать тетку Симу.

Серафима Андреевна была удивительной доброты человеком! Вместе с матерью Марины тетя Сима работала на каком-то очень вредном производстве. Поговаривали даже, что оттуда живимы на пенсию не уходят. Но тетке с матерью удалось, хоть и не без последствий. Мать до конца своих дней мучилась сердцем, а у тетки болело все: от мочек ушей до пяток. И единственным в Серафиме Андреевне, что не испортило вредное производство, была ее добросердечность. Чудаковатая, по мнению Марины, тетя Сима никому в помощи не отказывала. Словно бы мир станет вверх дном, если она хоть кому-то не поможет. Кому деньгами (благо, пенсия была большой), кому делом каким, а кому и добрым словом. Бывало, закупит тетя Сима конфет – и раздает ребятишкам. А те гребут жменями, улыбаются. И тетя довольна.

А уж в Марине тетя Сима души не чаяла. Как придет к ним домой – так сразу принималась одаривать любимую племянницу дорогими конфетами, куклами и девчачьими безделушками. А еще денежку украдкой могла сунуть в пухлую ладошку девочки. Чтобы мать не заметила. Пригодится.

А к широте душевной был еще у Серафимы Андреевны чудесный дар: исцелять людей. Кому руки к голове приложит – и боль утихает. Пошепчет что-то на ухо – глядишь, а язва-то зажила. Люди за этим ее даром к ней толпами ходили. Никому тетя Сима не отказывала, пока в силах была. И денег за свою помощь не брала. Так, что принесут.

Марина не очень любила ходить к тетке в гости. Тетка жила на отшибе, в своей простенькой однушке с очень простеньким интерьером. Даже телевизора не было. Чего уж ей, Марине, центровой девочке, которой мало в чем отказывали, туда хаживать? С тетей Симой жил ее сынок-полудурок. Нет, сын у нее был вполне вменяемый. Добрый, безобидный. Только с головой у него не порядок был какой-то. «Умственно отсталый», – как говорили взрослые. Марина его частенько дразнила. А он только улыбался. Дурачок, что с него возьмешь. Когда тети Сими не стало, он из окна-то и сиганул. Не спасли.

Тетя Сима, пока жива была, все пыталась Марине рассказать о тайнах врачевания, об обрядах потаенных. Книжку свою показывала. Такую толстую амбарную книгу, всю исписанную какими-то каракулями. Да только кто там слушал чудаковатую тетю Симу?! Не до нее было Марине, совсем не до нее с ее наукой. Все телевизор да игрушки. А как постарше стала – гульки-покатульки... «Да чего же я такой дурой-то была?!» – внезапно для себя подумала Марина.

Когда тетя Сима умерла, оставила она Марине после себя эту книгу. А еще ридикюль чудной, полный каких-то лоскутков и пуговиц. И шарик стеклянный – сухую безделушку.

Это уж потом Марина поняла, каким щедрым наследством одарила ее Серафима Андреевна – расчудеснейший человек в ее безалаберной жизни.

Было это уже в институте. Затерялась у Марины брошка. У Марины много этого добра было. Но эта брошка больно подходила ей под надуманный наряд. И тут нет, и там не видно... Попался тогда Марине на глаза стеклянный шарик, что тетя оставила. Она взяла его крепко в руку и стала усердно думать о брошке. Тогда-то первое «вознесение» и случилось. Что-то подхватило Марину и понесло в небеса через облака. В голове кружилось, дыхание спирало. А потом молния ударила. Больно! И очутилась Марина в большом светлом коридоре прямо возле какой-то стойки заказов.

Женщина, сидевшая за этой стойкой, протянула Марине бланк заказа, в котором значилось «найти брошь».

– Десять, – сухо отрезала дама с заказов.

– Чего десять? – спросила Марина.

Женщина молча указала на руку Марины. А в руке непонятно каким образом оказался теткин ридикюль. И не лоскутки с пуговками там были, а банкноты разноцветные, разного достоинства. И мелкие были, и монетки, но преимущественно крупные. Марина нашла десятку, вручила даме и в ответ получила клочок бумажки, на котором почерком Марины было написано: «Под подушкой в зале». Там брошь и оказалась. С тех пор Марина прозвала это место «Бюро находок». И со стеклянным шариком больше никогда не расставалась.

Ах, какой же все-таки чудесной была ее тетка! «Дура, дура, дура! – все крутилось в голове Марины. – Как можно было променять бесценный клад знаний на какую-то ерунду?!». От этих мыслей внутри у Марины все больно сжималось и кололось, словно она ежика в руках мнет, только внутри. И это чувство решительно не нравилось Марине. Впервые за долгие годы ей стало совсем неудобно в ее собственной вселенной.

Марина легонько щелкнула себя ладонью по щеке, встряхнулась, словно отряхивая ночные грезы, и стала всматриваться в очередь, ища кого-то.

Вдоль невообразимой очереди живо двигались какие-то субъекты неопрятной внешности. «Ускорители», как их называла Марина. За относительно небольшую благодарность, сущие копейки, «ускорители» легко могли приблизить Марину к заветной стойке.

Марина искала Рыжего, одного из «ускорителей», к услугам которого Марина чаще всего прибегала. Выглядел он, откровенно говоря, не ахти. Низенький, полноватый, с каким-то несуразным лицом, увенчанным грязно-рыжей шевелюрой. Потому и прозван был Рыжий. Одевался Рыжий чуть лучше вокзального бомжа. А уж вонь какая от него исходила! Как от того же бомжа, не протрезвевшего от чудовищного шумурдяка и не знавшего слова «туалет». В реальной жизни таких на пушечный выстрел не подпускают. Но только не здесь, не в «Бюро находок». В «Бюро находок» Рыжий был человеком важным, нужным и решал весьма серьезные вопросы. И он, кстати, был одним из тех, для кого все секреты внутренней вселенной посетителей были, как на ладони. В общем, еще тот тип.

Сказать, чтобы Марина жаждала с ним общения, так нет. Но еще меньше ей хотелось оставаться наедине со своей «ежиковой» вселенной. И Марина стала всеми силами привлекать к себе внимание Рыжего, который маячил где-то там, окучивая кого-то из очереди.

Рыжий обратил внимание на Мариныны призывы и бодрым шагом поспешил к ней на помощь.

– Сколько лет, сколько зим! – с напускной радостью Рыжий поприветствовал Марину. Голос у него был дребезжащий и хриплый, как звук из сломанного вокзального репродуктора.

«Сколько лет... Две недели отпуска, зубоскал рыжий!» – подумала Марина.

– Это у тебя там, яхонтовая моя, 2 недели, а тут, знаешь ли, века, – ответил Рыжий, без труда прочитав мысли Марины, словно она их вслух произнесла.

Марина знала, что время среди людей и время в «Бюро находок» течет по-разному. Бывало, она, в ожидании ответа, битый час тут проводила, а там клиент еще сахар в чае размешать не успел.

– Чего душа изволит? – услужливо спросил Рыжий, словно он официант в кафе, а не важная шишка.

«Хлеба и зр...» – начала думать Марина, но вовремя осеклась.

– Что-то людно сегодня у вас тут, – сказала Марина, предусмотрительно оборвав ехидные мысли, – а у меня там клиентка беспокойная с вопросом, не терпящим отлагательств. Может как-то можно ускорить процедуру?

– Для тебя, моя ненаглядная, все, что угодно! – вежливо ответил Рыжий.

– Как всегда? – спросила Марина.

– Ну, милая моя, пока тебя тут не было, у нас кой-какие перемены затеялись, – загадочно начал Рыжий, как торговец, набивающий цену своему товару, – мы тут, знаешь ли, за неподкупность бороться начали, с коррупцией типа воюем...

«Хренасе! Вы еще Богу импичмент вкатите!» – подумала Марина.

– Ну, до этого, полагаю, не дойдет, но есть определенные сложности в решении проблем, – ответил Рыжий.

– И почему нынче ваша неподкупность? – уже не стесняясь ехидничать, спросила Марина.

– 200, – сухо и по-деловому ответил Рыжий.

«200?!». С озвученной ценой тягостные воспоминания Марине перестали казаться такими уж тягостными.

– Да как же так?! – возмутилась Марина – Всегда не больше десятки было?

– Ну, видишь ли, кое с кем делиться приходится, – продолжил набивать цену Рыжий, – борьба с коррупцией, понимаешь ли...

Перспектива мариноваться тут до скончания века, коротая время в душевных муках, Марине не казалась такой уж замечательной и она нехотя полезла в «мошну добрых дел». А когда же она теткин ридикюль обозвала «мошной добрых дел»?

А было это на заре ее профессиональной знахарской деятельности. Пришла к ней, вестнень, тогда еще известной в весьма узких кругах, семейная пара средних лет: заплаканная женщина и почему-то суровый мужчина. Женщина сквозь рыдания умоляла Марину разыскать ее дочь, ученицу девятого класса, отличницу, умницу, пропавшую дней десять назад. Должна была прийти к бабушке, а не пришла. И что с ней приключилось – одному Богу известно. Была бы жива.

Марина быстро мотнулась в «Бюро находок» и получила весьма конкретный ответ, который потряс даже ее. Эта самая отличница, умница, «спортсменка, комсомолка» оказалась тварью, на которой клейма вешать негде. Будучи падкой на выпивку и деньги, эта самая ученица совсем не брезговала обменивать свое юное тело на земные блага в шелестящих купюрах. И направлялась она вовсе не к бабушке, а к какому-то хмырю, годившемуся ей в отцы, чтобы с ним вволю покурлесить. Тот решил прихватить юное тело с собой к южному солнцу. А юная потаскуха, не будь душой, согласилась, никого не оповестив при этом. Неделю повеселившись на морях, тот «любитель молочной телятины» решил сбагрить пинком под зад «спортсменку, комсомолку», от греха подальше. Но молодость-то славна упорством. И отличница со сложившейся ситуацией справилась «на отлично», быстро найдя замену в виде очередного «кошелька с ушками». Благо, на морях их – пруд пруди.

Даже не догадавшись подвергнуть шокирующую новость цензуре, Марина выпалила всю полученную информацию как есть. Отец «невинного чада», по-видимому, догадывавшийся о приключениях дочери, воспринял информацию стоически. Но мать! Ух и скандалище она тогда закатила! Ее тогда еле вытолкали из помещения. И само собой, денег Марине никто не заплатил. Так вот она, вопреки собственной воле, сделала доброе дело совершенно бесплатно.

А информация подтвердилась. Но чуть позже, милицией. Стражи порядка нашли их дочь на курортах в обнимку с каким-то джигитом.

Тогда же Марина и заметила, что теткин ридикюльчик заметно потяжелел. Из этого она заключила, что любое оказанное доброе дело моментально монетизируется. И грех было не назвать чудной ридикюль «мошной добрых дел».

И тут же вспомнились Марине ее загулы по молодости. И мать, постаревшая на год за те сутки, что Марины, не поставившей никого в известность, не было дома. А чего кому-то говорить? Это же ее личное дело. Хочу – гуляю, хочу – телевизор смотрю. И даже мысли не было, что мать, не зная, где ее дочь, заживо себя поедала в переживаниях о своем любимом единственном чаде! Может, от этого у нее с сердцем плохо было? Может, не от производства вредного?

«Опять началось!» – раздосадовано подумала Марина. Видно день такой неудачный, настойчиво норовивший доконать прорицательницу бессмысленными муками совести.

– Полнолуние, наверное... – заметил Рыжий.

– Полнолуние? – переспросила Марина.

– Да, полнолуние. И чего вас всех сюда тащит в полнолуние? Медом вам, что ль, намазано?

– Так я то, это... – начала оправдываться Марина.

– Да знаю, – ответил Рыжий, – а впредь запомни: в полнолуние к нам даже не суйся!

Народу – тьма, на заказах все злые. Видать, перемены сказываются...

«Вы бы лучше интерьерчик сменили, чем дурью маялись», – подумала Марина.

Но Рыжий, наверняка прочитавший ее мысли, предпочел промолчать. Вместо этого он вопросительно посмотрел на Марину и протянул к ней руку ладонью вверх. «Не иначе, как денег просит», – подумала Марина и, скрепя сердце зарылась в «мошну» в поисках двухсотки.

А сколько же, собственно, было в самой «мошне»? Увы, даже Марина не знала этого. Все, что она смогла насчитать – это много. Много – это цифра, которой заканчивается всякая экономия. Марина это знала, а потому не единожды предпринимала попытки провести инвентаризацию своих «добродельных» капиталов. Но благодетель совершенно не поддавалась подсчету. То 12000, то 8000, а то вообще за 20000 зашкаливала. И не сказать, что Марина была слаба в подсчете денег. В жизни деньги она считать умела. А вот с добрыми делами такой фокус не проходил.

Окончательно оставив мысль подсчета, Марина твердо решила, что тетка ей оставила МНОГО. Эта цифра ее вполне устраивала. А уж, коль скоро, цифра «много» арифметическим действиям не подвластна, Марина сконцентрировала свое внимание на коллекционировании мирских денег. Ведь, как известно, в мире деловых людей: торгашей, мздоимцев и транжир, за добрые дела ничего не купишь.

Хоть подсчету банкноты и не поддавались, но все равно генерировали чувство жадности у Марины. И двухсотку она вручила Рыжему с видом человека, жертвующего почкой против своей воли. А вот мошна, по-видимому, пропажи двухсотки не заметила, продолжая сиять полнотой своей коллекции.

Рыжий взял двухсотку, щелкнул пальцами... и Марина сею же секунду оказалась возле стойки.

Отдав заказ и готовясь получить скорый ответ за скромные средства, Марина даже выдохнула как-то облегченно.

Но не сегодня.

Вместо ответа приемщица заказов огорошила Марину:

– Заказ не оплачен.

– Так я сейчас оплачу! – поторопилась ответить Марина и уже стала копошиться в «мошне».

Но приемщица, вместо того чтобы назвать привычную цифру, указала длинным и худым пальцем вдаль коридора. А там, далеко, в этой чертовой дымке виднелся терминал оплаты. И естественно, к нему стояла очередь не меньше чем к столу заказов. Марина, еще не успевшая очухаться от сказочных перемен в «Бюро находок», тут же оказалась в хвосте нереальной очереди к терминалу, будучи уже удаленной от стола заказов.

Марина даже не пыталась возмущаться. Все происходившее изрядно выбило ее из привычной колеи. Она, огорошенная, просто стояла в намертво бездвижной очереди.

«Надо с этой курицы тройную оплату взять!» – зловредно думала Марина, ожидая безвозвратную и пока некомпенсированную потерю уймы времени.

Но время в «Бюро находок» никогда просто так не тратилось.

И вновь нахлынули воспоминания, будь они неладны!

Вспомнился Марине случай, после которого она заработала тот непререкаемый авторитет могущественного мага.

Пришел к Марине как-то мужчина на прием. Весь такой хлипкий, сутулый, неприглядный. Двигался медленно и неуверенно, вяло мямлил и вообще имел вид безнадежно больного столетнего деда. Хотя мужику было едва за пятьдесят. Марина не знала, что на прием к ней пожаловал главный интриган и сплетник города, особа, состоявшая в дружбе с кем-то из отцов-покровителей города. Еще один обиженный на весь мир за его несовершенство. Он уже многих «одарил» своим вниманием. И многие уже пострадали от его черноротых слухов и коварных козней. На этот раз пришла очередь Марины.

Марина не особо-то хотела «возноситься», понимая, что ничего хорошего об этом самом субъекте ей там не скажут. Но что-то подтолкнуло ее к «вознесению».словно потусторонний голос какой-то внушил ей эту мысль. И Марина покорно последовала потустороннему совету.

Как и ожидалось, прогноз был неутешительный: 3 месяца от силы. Уже наученная опытом, Марина начала «заливать» полуживому клиенту про карму, проклятие, про необходимость проведения каких-то обрядов и еще что-то. Но в какой-то момент ее словно кто-то за язык дернул, и она выпалила истинную правду.

Мало кому бы понравилось услышать такой прогноз. «Живой труп» закатил скандал (откуда и силы взялись) и грозился на всей этой бесовской конторе поставить крест. Надо отдать ему должное, усилий к очернению Марины этот старый хрыч приложил немало. На этом, пожалуй, и закончился бы опыт индивидуального предпринимательства Марины, если бы не его величество Случай. Ну и правдивый ответ «Бюро находок».

На диво очухавшийся интриган (хвала врачам) что-то отмечал со своими высокопоставленными друзьями в фешенебельном ресторане, куда любили заглядывать местные шишки. И где-то посредине веселья (ах, какая досада!) случилось ему подавиться. Миллионы людей давятся каждый день и остаются живы. Но не этот субъект и не в этот день. Набежавшие официанты хотели было вытрусить и выбить из несчастного тот кусок, что не в то горло полез. Но, то ли опыта у них такого не было, то ли еще что... Может, болезнь, которой много лет мучился неудачный едок, доконала его в представившийся для нее удачный случай. Не важно. Коварный интриган и злобный сплетник весь посинел, опал, как осенняя листва, немного подергался и дал дуба, чуток не дотянув до назначенного Мариной срока.

Само собой, такое событие не могло пройти мимо больших ушей и длинных языков города. И поползли слухи. Кто говорил, что Марина даже сказала ему, как он умрет и в какой день, а он, упрямец, не поверил. Иные шептались о том, что колдунья за его злой язык сама наслала на него сухощавую даму с косой. Да это и не важно, что говорили. Важно, что все, кто сплетнями уши греет, поверили в необычайную силу колдуньи, унаследованную якобы от тетки-ведьмы. И больше никто не ставил под сомнение тот факт, что Марина МОЖЕТ.

Этого было предостаточно. О такой рекламной кампании Марина могла только мечтать! От клиентов не было отбоя. И Марине был дан карт-бланш на ценовую политику. А уж с ценой

на услуги Марина совершенно не стеснялась, выставляя клиентам прайс комплекса магических услуг, равный цене небольшого автомобиля. И люди платили. Продавали мебель, золото, авто, жильё – и платили. Потому что другой такой Марины ни в городе, ни в его окрестностях больше не было.

Был у нее случай с одной женщиной. Обратилась к ней дама средних лет с мольбой спасти онкобольного сына, которому еще десяти не было. Откуда Марине было знать, что вроде респектабельная с виду женщина уже даже квартиру продала во спасение единственного ребенка? Химиотерапия не шуточных денег стоит. И прогноз оттуда, из «Бюро находок», был плохим. Очень плохим. Ну, скажи ты ей, что ничем нельзя помочь! Так бывает в жизни. Так нет же! Клиентку упустит. И Марина мариновала убитую горем мать еще неделю какими-то абсолютно бессмысленными процедурами, даже вспоминать не хочется. Конечно же, не за бесплатно.

А потом женщина пропала. Не потому, что разуверилась в знахарке, а потому, что продавать больше нечего было. Разве себя? Но за нее никто цену не давал. А спустя месяц появилась. Просто сказать этой ведунье, что сын ее умер. Сказать, что деньги на похороны дал давний друг. Если бы не он – хоть в лесочке самой зарывай. И лицо у нее было такое... Будто жизнь ее уже оборвалась, а она все никак не усопнет. Просто пустота внутри и вокруг. Ушло все, ради чего стоило жить.

А ради чего она сама, Марина, живет? Семьи нет, детей нет, родственники, те, о которых знала, все уже там. Даже кота не завела...

И не сказать, чтоб вот так все безнадежно было. Были поклонники и были шансы. Но, то ли требования к соискателям сердца были высоки, то ли соискатели мелковаты?

Был у Марины один воздыхатель по молодости. Неказистый такой, полноватый скромник. Его в компашку брали лишь потому, что он был другом красавчика, души компании. Весело гуляли. А он все с Марины глаз не сводил. Да на кой только он ей, звезде, сдался? Не первый красавец. Из бедной семьи, не шикавал. Не особо остроумен, хотя порой такое выдавал – живот надорвать можно. И толстый! Фу! Как его «нежно» прозвала Марина? Пуфик? Да, точно, Пуфик!

Подтрунивала Марина над ним постоянно. Как-то собрались они праздновать мужской день. Девочки мальчиков поздравляли: кто пеной для бритья, кто носками. А Пуфик так и сидел за столом неодаренный. Марина возьми да ляпни: «А что, на тебя смелых не нашлось?». Вроде и шутка невинная, но похуже ножа в сердце. Так вот она колола его и колола, пока он в их тусовке маячил.

Очень не нравилось Марине, что парень страдает полнотой. Она то и сама была: ни лицом, ни телом. Но очень не любила полных. Может, потому, что во всех толстяках она свою полноту ненавидела? Вроде и пыталась она похудеть по молодости. На диету сесть. Но диета, как известно, особа вёрткая. И всякий раз, когда Марина пыталась на нее сесть, диета ловко уворачивалась прямо из-под Марининого зада. Со временем Марина оставила попытки обрести «осиную талию». Хорошую фигуру не испортишь, а плохую и не жалко. Равно как и затею обрести семью.

Пока молодая была, не торопилась. Выбирала. Принца ждала. А они никак не появлялись, принцы эти. А потом, когда мать умерла, не до отношений, надо было свою жизнь строить. А как перевалило за 30, уже вроде и не особо надо. Привычный уклад жизни налажен и что-то менять хотелось гораздо меньше, чем семью и детей. Мужика, так, для здоровья, Марина без труда могла обворовать кошельком. Тем паче, сколько его, этого мужика, для здоровья-то надо? С детьми сплошная морока. И одиночества вроде у Марины особого не было. Работа, шопинг, подруги, рестораны... благо, достаток позволял многое. Насыщенная жизнь, некогда скучать.

Но почему-то именно здесь и сейчас, стоя в этой осточертелой очереди, Марина неожиданно для себя ощутила это липкое и противное чувство, словно протухшую ириску разжевала. Как же одиноко! Одиноко, уныло и страшно! Вокруг тебя куча людей, которые так от тебя далеки! Они просто в других мирах, в других вселенных. И им абсолютно нет дела до тебя. А тебе – до них. «Рыжий, Рыженький!».

Марина стала всматриваться в очередь, но знакомого силуэта не было видно.

«Да где его черти носят?!» – подумала Марина. «...Черти носят...». Где-то глубоко в подсознании Марина догадывалась об истинной сущности Рыжего, но предпочитала оставлять эти догадки там, где-то глубоко, всякий раз засовывая их поглубже и забрасывая сверху насущными проблемами. Шутка ли дело, в таком себе признаться?

– Веселишься? – послышался знакомый голос где-то сзади.

Рыжий стоял прямо за спиной Марины.

– Да я и сам, знаешь ли, не в восторге от всех этих нововведений, – словно предвидя тему разговора, сказал Рыжий в упреждение всяких нудных вопросов и возмущательств, – мне нынче задач новых надавали – выше крыши, расхлебаться некогда! И клиентура нынче нервная пошла.

– Еще бы не нервничать! – возмутилась Марина, – я теперь вообще не понимаю, как организовывать работу, учитывая эту волокиту!

– Да ты не серчай, все наладится! – успокаивал ее Рыжий.

Но сегодня Марине спокойствие даже не грезилось.

– Скажи мне, мой рыжий друг, а можно ли как-то побыстрее к терминалу пробраться? – начала «подкатывать» Марина в попытках за недорого получить реальные предпочтения от «неподкупных» сотрудников «Бюро находок».

– Сложно, – почесав невытую голову, ответил Рыжий, – сложно, но можно.

– Снова двести? – спросила Марина в надежде на то, что терминал стоит дешевле.

– Ой, моя ты рыбка, – как махровый торгаш, начал свою привычную «песню» Рыжий, – двести нынче не в ходу. Пятьсот.

Цифра «пятьсот» начисто лишила Марины дара речи. Она хотела было что-то гневное сказать в ответ на форменный грабеж, но рот ее склеился, словно от той ириски-одиночества.

– Ну, а как ты хотела? – продолжал Рыжий. – Мало того, что я, мягко говоря, рискую, проталкивая тебя мимо всех, так я из этих благодарностей, по сути, ничего себе не оставляю. Все для вас, дорогие мои клиенты. Ну и инфляция...

– Инфляция?! – воспрянув от онемения, возмутилась Марина. – Ты, поди, не в тугриках каких оплату принимаешь! Уж куда валюта крепче, чем местная.

– Э-эээ, – протянул Рыжий, – не все-то ты понимаешь, просвещенная моя. Добрые дела – самая слабая валюта из всех, что я знаю. Вот иному человеку, сколько добра ни делай, а ему все мало. Словно бы весь мир у него в должниках ходит! И чем больше ему делаешь, тем больше он недоволен. Очень быстро у людей добро обесценивается.

– Так ведь ты-то не за спасибо делаешь, я тебе реальными банкнотами плачу! – продолжала торговаться Марина.

– Так и ты, добродетель в юбке, поди, не бесплатно колдуешь? – парировал Рыжий.

Марина смутилась, но постаралась не подавать виду.

– И вообще, – продолжил Рыжий, – если моя цена тебе не по зубам – можешь обратиться к кому-то еще. Вон, – и он показал пальцем на сгорбленного, сухого мужика, энергично «работавшего» с очередью, невзирая на свою худобу, – как ты его зовешь? Гробовщик? С ним поговори. Может, он тебе дешевле сделает. А может, и вообще даром, за красивые глаза.

Гробовщик был последней кандидатурой, к которой Марина обратилась бы за помощью. Однажды она уже имела неосторожность с ним посотрудничать. И не сказать, чтобы дорого брал. Как все. И делал все быстро. Но каким он, Гробовщик, был сам! Недолгое общение с этим

типом показалось Марине экскурсией в ад длиною в жизнь. Лысый, худой до немощи, страшный, с острыми, выступающими вперед зубами, тонкими и сухими, как у смерти, пальцами с кошмарными ногтями. . . Таким обычно рисуют Кощея Бессмертного в книжках. От него веяло каким-то ледящим душу холодом. А запах, который исходил от него, для Марины был просто убийственным! От него тянуло свежевыкрашенными венками, гробовой доской, свежерытой могилой, моргом, смертью. Его голос был похож на звук забивающихся в крышку гроба гвоздей, на скрежет лопаты о кладбищенскую землю. С ним бы она точно не желала иметь никаких дел, хоть делай он ей забесплатно!

– Я предпочитаю работать с проверенными партнерами, – выкрутилась Марина, чтобы не ударить в грязь лицом и не дать повод к новому повышению цен.

– Так за чем дело стало? – спросил Рыжий.

– Пятьсот – это много, – по-деловому ответила Марина.

– Пятьсот – это не «много», пятьсот – это «пятьсот», – съязвил Рыжий, намекая на то, что из Марины счетовод неважный.

– И вообще, – продолжил Рыжий, – ты хоть знаешь, какой план мне сверху спустили? – сказал он, показывая пальцем вниз. – Твоей сумочки не хватит! Чемоданами ношу. ЧЕ-МО-ДА-НА-МИ!

Но Марина все еще колебалась.

В ожидании вердикта «ее величества щедрости», Рыжий тихонько завыл какую-то песенку, в которой песенка угадывалась в самую последнюю очередь.

«Все медведи мира топтались ему по ушам!» – подумала Марина. Что-либо обмозговать под такой аккомпанемент не представлялось возможным.

– Оставим в покое мои вокальные данные! – несколько обиженно сказал неудавшийся Карузо. – С твоего позволения, я пойду дальше работать, а ты тут подумай. Благо дело, времени у тебя – вагон.

Рыжий ехидно улыбнулся, вальяжно развернулся и пошел вдоль очереди, демонстративно виляя ягодицами, как портовая проститутка, словно бы намекая Марине на очередной раунд неизбежных мук совести.

А Марина тем временем снова была захвачена воспоминаниями, так терзавшими ее этим осенним вечером.

На этот раз вспоминались Марине удачные моменты ее уже взрослой жизни. Моменты, когда кто-то свыше, словно заботливой сильной рукой, вытягивал ее из грозивших неприятностей. И с клиентом тем, сплетником-кляузником. И позже. С криминалом.

Любой успешный бизнес, как магнит, притягивает беспринципных любителей легкой наживы. А к Марине пожаловали не любители, а профессионалы. Те, что в погоне за звонкой монетой без колебаний пускают по миру людей. Или вовсе убивают. Для таких от рождения котел в аду греют.

Бесцеремонно завалившись к могущественной колдунье, парни, несколько не смущаясь сверхспособностей потомственной ведьмы, начали ее «грузить». С вежливостью леопарда, душащего газель, лица, не обремененные интеллектом, рассказали Марине о том, кому и когда она должна. Быстро и по делу. И ушли, напоследок порекомендовав никому языком не болтать.

А неделей ранее Марина под завес дня приняла одну клиентку, ставшую впоследствии судьбоносной. Да и как ставшую? Марине тогда крайне не хотелось принимать посетительницу. Но опять что-то сверху словно толкнуло ее. Мол, делай, потом увидишь, что будет. Приняла. Той понравился ответ и она записалась в постоянные (это те, что стабильно приносят доход в обмен на ересь). Марина, хоть и была в страхе от визитеров, позабыв о назидании не болтать, рассказала новой «постоянной» о лихих парнях. Не иначе, как опять сверхестественные силы. И откуда было ей знать, что та дама была ни кем иным, как кумой главного стража порядка

города? А, как известно, ничто криминальное в городе не происходит без ведома главного стража.

Буквально через три дня после горестной беседы с клиенткой Марину вновь посетили незваные гости. Правда, на этот раз вместо угроз парни прихватили с собой огромный букет невероятной красоты и бутылку дорогущего шампанского. Извинялись, как могли. Не знали, мол. И, уходя, пообещали мир и покой при любых раскладах.

Много еще моментов чудесного спасения вспоминалось Марине. И сквозь все эти воспоминания, в общем-то, приятные, сквозил чей-то силуэт. Такой знакомы и родной. «Боже, да это же тетя Сима!». Ну конечно! Кто же еще мог так опекать Марину?! Никто, никто на белом свете не мог так щедро одарить ее при жизни и так надежно беречь после смерти. Никто на белом свете не способен был на такое душевное тепло, воплощенное в невероятную силу! Силу, что даже с того света оберегала от невзгод любимую племянницу, бедняжку Марину. А любимая племянница даже не знала, где могилка ее ангела-хранителя. И совсем не вспомнила свою дарительницу и покровительницу в суете быстротечных дней. Как же так?! Что же за тварь она неблагодарная?!

– Постой, Рыжий, – крикнула Марина, – я согласна.

А Рыжий, словно понимая грядущую несносность тяжелых дум, далеко и не удалялся.

Марина извлекала две двухсотки и одну сотку из тугой «мошны» и вручила их просителю. А проситель, как обычно, щелкнул пальцами.

Кажется, жизнь налаживается...

Терминал вежливо попросил у Марины обычный тариф – десятку за услуги. С легким сердцем Марина всунула в купюроприемник соответствующего достоинства купюру и стала покорно ждать ответа на цветном экране шайтан-аппарата.

Но «удача» в тот вечер накрепко вцепилась в Марину мертвой хваткой и никак не хотела отпускать. Терминал попросил оплатить комиссию. 1000!!!

– 1000?!?!?!

– А у него сегодня сбой какой-то, – спокойно сказал Рыжий, стоявший рядом, – обещают исправить в ближайшее время. Вот только когда?

– Доживу? – уже без надежды в голосе спросила Марина.

– Посмотрим... – философски ответил Рыжий.

«Самый удивительный день в моей жизни!» – саркастически подумалось Марине.

– Вон видишь очередь за терминалом? – и Рыжий показал на огромную толпу, едва ли не большую чем та, что стояла к терминалу. – Вот они все ждут починки. Хочешь – подожди. Хочешь – напиши жалобу, – и Рыжий указал на очередь к стойке заказов, хвост которой терялся в загадочной дымке коридора.

– А можно «хочешь – оплати»? – уже без силы спросила Марина.

Рыжий молча повел рукой, словно официант в ресторане, презентующий дорогим посетителям эксклюзивный столик.

Снова «мошна добрых дел» стала изрыгать купюры, доселе теплившиеся в ее чреве. И очень быстро худеть, как анорексичка на диете.

Комиссия была оплачена и на бланке заказа появился соответствующий штамп.

«Ну, наконец!» – облегченно подумала Марина. Она бы, может, и бросила всю эту затею с ожиданиями, воспоминаниями, самобичеваниями и подкупом неподкупных, если бы знала, как улизнуть отсюда без выполненного заказа. Но «Бюро находок» – особое место. Это место никто по собственной воле не покидает. И пока заказ не был закрыт, Марина никак не могла тихо исчезнуть отсюда. Заказал – изволь получить по полной.

И все бы в этот вечер закончилось хорошо, и все бы были довольны, если бы...

Если бы не очередь за оплаченными заказами. Это столпотворение даже очередью назвать нельзя было. Паломников в Мекку, пожалуй, меньше.

Марина уже была не в силах возражать и возмущаться. Она покорно принимала долю, уготованную ей судьбой в тот вечер, становясь в хвост сказочной процессии. Все, что оставалось делать – это ожидать своей очереди, проводя время в своем маленьком и прежде уютном, невидимым почти ни для кого аду мук совести.

И снова нагрянули терзающие воспоминания. На этот раз вспомнился сын тети Симы, тот полудурок, которого откровенно недолюбливала и дразнила Марина.

Как-то раз, приехав в гости к тете Симе, Марина с девочками играла во дворе. Ну как играла? Марина не особо налаживала контакты с жителями провинции (а кто они, девочки с отшиба, для центральной?). Но деваться было некуда, телевизора у тети Симы не было, а играть с ее сыночком – увольте. Так вот, ничего более умного не придумав, Марина подбила девочек на забавную, как ей казалось, игру: подразни дурачка. И юбочная ватага принялась дразнить бедного парня. Как оказалось, это было весело. А тот, совершенно не понимая повода к всеобщему веселью, просто улыбался.

Дальше – больше. Войдя в раж, девочки, не без подачи Марины, принялись плевать в малохольного. А потом и вовсе стали бросать в него комья грязи. А он стоял, как вкопанный. Стоял, улыбался и плакал, блаженный! Слезы текли по его заплеванному и грязному лицу. Боже, как это нелепо, гнусно и отвратительно! И этот взгляд! В жизни Марины никто и никогда больше не смотрел на нее так, как смотрел этот бедняга!

И тут же почему-то вспомнилась мама. И колечко, подаренное маме скоропостижно ушедшим отцом. Совсем не драгоценное. Но красивое. Да и стоит ли говорить о материальной ценности такой реликвии? Это кольцо для матери многое значило. Бывало, вечерами мать закрывалась ото всех и тихонечко плакала, крепко сжимая в руках мужнин подарок.

А Марина, сучка, как-то вечером тихонько забралась в мамину шкатулку и умыкнула оттуда колечко. Просто чтобы пофорсить перед друзьями. Взрослая уже была, в институте. Маме она, конечно же, ничего не сказала. И случилось же ей тем вечером в пьяном угаре кому-то это кольцо проспорить. И спор дурацкий и спорщики... Кому и за что, Марина так и не вспомнила. Да и никто после не подсказал. Весело было.

Марина вернулась под утро и тихонечко легла спать, как ни в чем не бывало. А мать после долго искала кольцо. Металась. Всю квартиру перерыла. Даже на домового грешила. А «домовой» или, скорее, «домовая», ничуть не смущаясь, все врала матери прямо в глаза. Признаться вроде было стыдно. Да и что оно, колечко? Ну, было – и не стало, другое себе купит.

То ли пропажа, то ли подкосившееся от возраста здоровье? После той пропажи с матерью стался первый серьезный приступ. Ее тогда, едва живую, скорая забрала. Две недели в больнице.

«... в больнице...». Вспомнилось Марине, как матушка ее умирала. Одна. На больничной койке. Никого рядом с ней не было. Ее тогда с очередным приступом положили. Марина, как положено, оплатила врачам лечение, словно откупаясь от ненужных забот, и укатила на курорты. Досматривать мать ей никак не хотелось. Да и к чему? Она-то в больнице, под присмотром врачей. Выкарабкается.

А мать не выкарабкалась. Не в этот раз. Она перед смертью все звала свою единственную дочь, свою опору в старости и отраду по жизни. Все ждала ее, ту, во благо которой она всю свою материнскую жизнь положила. Ждала, надеялась, как могла, годила со смертью. Лишь бы еще раз, в последний раз взглянуть на свое ненаглядное чадо. Но даже очень сильные люди порой бывают не в силах изменить судьбу. Мать умерла прямо перед приездом Марины. Не дождалась...

«Мама, мамочка, прости!» – в слезах думала Марина. Лицо умирающей матери, вставшее, как наяву перед ней, словно раскаленное железо, жгло ее изнутри.

Воспоминания становились, все ярче и ярче, все жестче и жестче. Они сменяли друг друга, кружились вокруг Марины как разъяренные пчелы. Как зубастые пирани, они впива-

лись в истекающую кровью душу Марины, открывая от нее куски, чтобы вновь наброситься с неистовой яростью! Прежде робкая и незаметная, ныне Маринына совесть возвышалась над ней грозным палачом, безжалостно стегая ее плетью воспоминаний. А она, Марина, возомнившая себя могущественной колдуньей, стояла перед ней на коленях с нагой душой, покорно и беспомощно принимая все ее удары за прожитые годы!

Боль была просто нестерпимая! «Я больше не могу! Хватит! ХВАТИТ!!!» – то ли про себя, то ли уже вслух кричала Марина. Но ее никто не слышал в мире абсолютно чужих людей, цинично отгороженных друг от друга своими вселенными. Почти никто...

– Помочь? – послышался знакомый голос где-то из-за спины.

Это был Рыжий. Казалось, он всю жизнь стоял у нее за спиной, ни на секунду не теряя бдительности.

– Я больше не могу! – обессилено выдохнула Марина.

– Чего же ты на этот раз хочешь? – спросил ее Рыжий.

– Чтобы все побыстрее закончилось... – ответила Марина. Она не уточняла, что именно должно закончиться, не ругалась, не торговалась и не юлила. Казалось, она уже согласна на все.

– А чем ты готова пожертвовать? – спросил ее Рыжий, прекрасно понимая истинную суть желания своей собеседницы.

Марина полезла в «мошну» чтобы понять, чем действительно она готова пожертвовать.

А «мошна»! Прежде полная банкнот добрых дел, теперь «мошна» зияла пугающей пустотой. Ничего, ровным счетом ничего в ней не осталось. Как такое могло случиться? Но Марине было не до разбирательств. Она стояла перед Рыжим, измученная и совершенно опустевшая, как останки запеченного гуся на тарелке после празднества.

Рыжий указал пальцем на карман, в котором Марина крепко сжимала стеклянный шарик, теткин подарок. Рыжий кивнул головой, намекая на то, что жертва определена.

Марина, словно загипнотизированная, достала из кармана свою драгоценность и протянула Рыжему. Шарик в руках Марины ярко светился разными цветами, переливался и пульсировал, словно и не шарик это был, а кусочек какой-то загадочной звезды.

Рыжий взял в руки шарик и внимательно посмотрел на него. Шарик потускнел, перестал светиться и превратился в обычную безделушку, которой во дворе играет детвора.

– Безделушка, – равнодушно сказал Рыжий, глядя на шарик.

И глядя Марине в лицо, словно говоря уже не о шарике, а о ней, о Марине, добавил:

– БЕЗ-ДЕ-ЛУШ-КА.

А дальше все было, как обычно. Как должно было случиться ранее, но случилось гораздо позже, чем хотелось. Щелчок пальцами, стойка, бумажка с ответом, чувство падения сквозь облака...

Клиентка сидела молча и внимательно вглядывалась в прорицательницу, словно ожидая, что та вот сейчас обернется какой-то тварью и начнет скакать по кабинету. А Марина просто сидела, ничего не говоря. И смотрела куда-то: то ли вдаль, то ли куда-то вглубь, совершенно отрешенным взглядом.

Ничего не говоря, Марина вручила листок бумаги клиентке, нетерпеливо ждавшей хороших вестей. А там, на этом листке, ровным Марининым почерком было написано, что муж ее верный к любовнице своей молодой сбежал. Там было указано все: и кто та коварная разлучница, и где они нынче. Даже даты событий указаны. А в конце приписка: счастья с этим изменщиком не будет.

Дама читала листок, то багровея, то бледнея, то покрываясь пятнами. Весь шквал эмоций, бушевавших в ней, был без труда виден на ее физиономии. Но, надо отдать должное обманутой

женщине, эмоции она держала в узде. Дочитав, дама тяжело поднялась, наспех поблагодарила прорицательницу, в благодарность сунула ей какую-то купюру и с тяжелым сердцем удалилась прочь.

Но Марине было абсолютно все равно. Она продолжала сидеть с потухшими глазами, ничего вокруг не замечая.

В «Бюро находок» ей при жизни уже никак не попасть. Надо учиться жить. С листком из «Бюро находок» Марина вынесла еще один подарок. Ценный подарок. Мало кто по достоинству ценит этот чудный дар. Рыжий, то ли сам, то ли по воле Всевышнего, вернул Марине ее собственную, неприглядную во всей ее красе СОВЕСТЬ. И все, что оставалось делать – это жить дальше, смакуя щедрый подарок Рыжего, «ускорителя» из «Бюро находок».

Фея ночной реки

Тихо, на цыпочках, никого не тревожа и не ставя в известность, опустилась ночь. Смирная и беззаботная, она пришла по обыкновению сразу после вечера, чтобы дать покой и сон истерзанному днем городишку.

Где-то там, где всегда шумно илюдно, все еще светились огни, играла музыка, жужжали и сигналили машины, веселились люди... Где-то. А здесь... Здесь царица-ночь все укутала своим темным покрывалом. И речушку-невеличку, что протекала на краю города, и старый, едва подсвеченный мостик, словно кот, горбом перекинувшийся через нее, и берег с ивами, покорно кланявшимися матушке-реке.

Водная гладь, приятно прохладная и тихая в эту безветренную ночь, медленно и бережно, будто мать младенца, несла ранние опавшие листья. А в небе, в небе над рекой, над городом, над всем миром стояла бледнолицая красавица-луна. Скромно, не в пример солнцу, сияя на небесах, она рисовала силуэты: и берега с ивами, и моста, и речки, в которой она отражалась во всей своей красе. Тихим светом, словно острым ножом, она бесшумно разрезала ночную тьму, как бы желая вырвать умиротворяющий пейзаж из темного царства ночи.

И во всей этой удивительно тихой гармонии пронзительно отчетливо вырисовывался силуэт женского тела, парившего над гладью реки. Молодого, красивого женского тела, к несчастью, парившего совсем не долго. Ровно столько, сколько телу нужно, чтобы стремительно и неотвратно упасть с самой высокой точки моста в реку, нарушив идиллию водной глади.

Удар, всплеск...

Чудовищная, нестерпимая боль пронзила все тело, сковав его раскаленными клещами. Аня даже ойкнуть не могла. Но боль быстро отступила, оставив после себя непроглядный туман в голове и вокруг. Туман был таким густым, что даже мыслей своих не было видно. Но постепенно туман начал рассеиваться. Сперва в голове.

Аня силилась вспомнить, что происходило с ней накануне.

Обычное утро, еще одно, когда вставать абсолютно не хочется, но к первой паре надо позарез. С самого утра копошащаяся мать, уже взвинченная утренними заботами. Под руку лучше не попадаться! Докучающий младший брат. Да, да, да, Аня и его тоже любила. Но на расстоянии. Достал. Бурчащий отец (хоть этим утром не напрягал). Переполненная маршрутка. Институт. Чертов патан¹, нихрена не понятно! Хочется спать и выть от тоски. Столетня булочка и холодный кофе в столовке... «Не то, не то!».

Вечер. Еще один теплый осенний вечер без Саши. И безо всякой надежды вырваться из удушающей клетки, уготованной ей, молодой и красивой студентке, коварным одиночеством. Что он там в вайбере черкнул? «Не доставай, все кончено»? Пожалуй, да, все кончено. Фотки в телефоне... их счастливые лица... Хотелось ногтями разорвать грудь и вырвать оттуда сердце вместе с душой, так было обидно, больно и безнадежно!

Аня так и не смогла в деталях вспомнить, как просидев в слезах до ночи, она вышла из дома, не потревожив никого. Зачем-то надела колечко, мамин подарок на двадцатилетие. Как в одной ночнушке и тапочках прошагала через весь город к «их» месту. Как влезла на самую высокую опору моста.

В голове четко и ясно была она, одинокая, брошенная и обиженная всем миром Аня, словно парившая в воздухе. И луна прямо перед ней. В мире не было ничего: ни моста, на котором она стояла, ни реки внизу, ни берега, ни центра города где-то далеко. Только она и луна – ее утешительница и спасительница. Она манила к себе, словно говорила: «Иди ко мне,

¹ патан (сленг.) – патологическая анатомия, научно-прикладная дисциплина, изучающая патологические процессы и болезни.

дитя мое!», нежно гладила ее по головке своим бледным светом и утирала слезы, катившиеся по щекам.

Аня сделал шаг вперед. Вперед к луне. Но мир почему-то полетел вверх тормашками.
«Какой-то дурацкий сон», – думалось Ане.

Туман начал потихоньку рассеиваться вокруг, позволяя глазам осмотреться. Аня была в каком-то помещении, полностью залитым нежно-молочным светом. И снизу, и сверху, и с боков мягкий и обволакивающий свет струился с одинаковой силой, стирая контуры места пребывания. Казалось, что даже она лучится тем же светом, плавая в светящемся молоке и становясь частью этой молочной атмосферы.

Но молоко тоже рассеялось. Аня была в длинном, светлом коридоре, которому, казалось, не было ни конца, ни края. Буквально в десятке шагах от нее по коридору стояла стойка, словно ресепшен в отеле, с огромным шкафом вдоль стены. У стойки стоял какой-то невысокий и полноватый гражданин, что-то энергично доказывавший даме за стойкой.

Поскольку идти больше было некуда, Аня робким шагом потопала к стойке. Чувства постепенно вернулись, и она могла четко видеть и слышать все то, что происходило совсем рядом.

– Да как же так? – кричал гражданин у стойки, – третий раз уже!

– Не я ее сюда отправила, – спокойно отвечала дама за стойкой.

– И что делать будем, – на повышенных тонах продолжал гражданин, – снова в детский сад играть?! По головке погладим, сопельки утрем, попку обгаженную помоем? В дочки-матери играем, чесслово!

– Все, согласно предписанию, – сухо и спокойно отвечала дама на нападки нервного товарища.

– Да к херам собачьим твое предписание! – выпалил толстый псих.

– Я же попросила не выражаться! – уже несколько нервозно ответила дама, – мне еще раз напомнить?

– А ты мне тут моралей не читай. Я тебе не школяр какой! – парировал спорщик.

Они бы, может, и продолжали браниться дальше, но Аня подошла к ним совсем близко для спора без ее участия. Она лишь хотела спросить, где она и что тут вообще происходит. С одной стороны, ей было очень интересно, что творится вокруг и куда она попала. Но, с другой стороны, почему-то очень хотелось домой. Как никогда в жизни ей очень-очень хотелось домой: к маме, пусть и ругающейся за неопрятность и медлительность, к папе, что бубнящему, что кричащему одним и тем же суровым басом, к докучавшему непоседе-брату. Но как это сделать, Аня пока не знала.

– Явилась, не замочилась! – язвительно сказал гражданин у стойки, сместив акцент внимания уже на нее, на Аню, безобидную девушку в ночнушке и тапочках.

«Не замочилась?». Аня оглядела себя. С нее со всей почему-то капельками стекала вода, падая на пол и тут же исчезая без следа.

– Как полетала? – продолжал ерничать гражданин.

Это был невысокого роста мужчина, вроде средних лет, полноватый, с коротенькими ножками. Одет он был в какой-то дурацкий замызганный плащ, под которым виднелся растянутый донельзя свитер и штаны, явно на пару размеров больше. Туфли на нем были такого вида, будто ими только что мальчишки играли в футбол во дворе. Как-то все... «бе-еее», что ли? Запах от него исходил, как от пассажира, неделю проведенного в поезде с нерабочим туалетом. Он постоянно почесывал голову с грязно-рыжими, явно давно не мытыми волосами. Вся эта неряшливость, то ли напускная, то ли естественная, настойчиво напоминала кого-то. «Кого же, кого?» – силилась найти аналогию Аня. «Точно! Лейтенант Коломбо! Не-еее, Коломбо был старше. И ниже. И совсем не рыжий. И добрый. А этот злой какой-то, нервный. Рыжий-Коломбо? Нет, так длинно, пусть будет просто Рыжий».

– Ты закончила? – спросил уже вроде как успокоившийся Рыжий.

– Полетала? – робко спросила его Аня, так и не поняв предыдущего вопроса.

«Ах да, мост, река... Блин, я же с моста прыгнула!».

– Знатно плюхнулась! Всю рыбу распугала, – продолжал Рыжий, – рыбачок под мостом аж сигаретку из зубов выронил. Он-то тебя багориком и достал, ловко подцепив за ночнушку.

«Мамочки, я же с моста свалилась!» – с ужасом думала Аня, прокручивая перед глазами картину последних секунд жизни, словно бы не воспоминания это были, а явь.

«Последних секунд жизни?».

– Я погибла? – дрожащим голосом спросила мокрая, полуголая и беззащитная девушка.

– Нет, что ты! – с издевкой отвечал Рыжий. – Всего-то метров пятнадцать, плашмя в воду. Кто ж от такого погибает? Даже ноготь не сломала!

Сию же секунду Аня, будто чужими глазами, увидела, как ее безжизненное тело наспех грузили в реанимобиль знакомые ребята со скоряка².

С мольбой в глазах Аня обратилась с тем же вопросом к женщине за стойкой.

– Не могу пока тебе ничего сказать, – ответила та.

Женщина за стойкой была на вид самой обыкновенной женщиной. Среднего роста, среднего возраста, обычного телосложения... Она была настолько средней, что ни глазу, ни уху зацепиться было просто не за что. Строгостью и чинностью, с которой женщина держала себя, она напоминала Ане ее классуху. Ту, которая едва не вlepила «пару» Ане в аттестат. Вот такая, классическая училка. «Пусть будет Училкой».

– А чего ты вдруг так забеспокоилась? Ты же умереть хотела? Тебе ж весь мир не мил был? – иронично спросил Рыжий, и продолжил «подкалывать»: – Или ты случайно с моста рухнула, равновесие не удержала?

– Я не знаю, – растерянно ответила Аня.

– Или ты всему миру назло сиганула? – не унимался Рыжий. – И кобелю своему, без которого жизнь не мила, и родным-близким? Ну так, чтоб знали, как оно: жить без тебя?

– Я не знаю...

Аня действительно не знала, зачем она это сделала. Еще полчаса назад она отчетливо понимала, что больше жить не хочет. Не просто жить по-другому или другой жизнью, а просто не хочет. Еще полчаса назад она была полна решимости и смелости. А сейчас ей было холодно, страшно и мокро. Мысли то выстраивались в стройную линию, то разбегались по углам сознания, как мокрые, замерзшие кошки. Она потихоньку стала понимать, что ее, как человека, скорее всего уже нет. А ее личность, почему-то до сих пор стоявшая здесь, не будучи развеянной по ветру или сожженной в пепел, ждет весьма незавидная участь. И то, что произошло, как казалось полчаса назад, уже нельзя никак исправить, вернуть или как-то смягчить.

«Ах, если бы это был сон! Просто сон...» – думала Аня, но для сна все происходящее было слишком реальным и болезненно страшным.

– Ты со своим ненаглядным сколько провстречалась? – продолжал Рыжий, доставая портсигар из внутреннего кармана плаща, – 3 года без малого? Рекорд!

Да, почти 3 года назад, еще будучи старшеклассницей, она познакомилась с красавцем на 5 лет старше ее. Все девчонки ей завидовали! Высокий brunet, всегда одетый с иголки, Саша ухаживал так, как никто в мире. Лишь от одного его прикосновения Аню пробивала мелкая дрожь по всему телу и почему-то немели губы. Не влюбиться в него было просто невозможно! Время, проведенное с ним, Аня по праву считала экскурсией в рай. И пусть их встречи случались реже, чем того хотелось. И пусть были они быстротечны и... как бы это сказать... в угоду постельным утехам, что ли? Даже минута с ним была счастьем, которое так сложно сыскать в обычной, серой жизни.

² скоряк (жарг.) – скорая помощь.

А потом его «Прощай». Буднично сухо и совершенно неожиданно. Будто кто-то исподтишка по душе ножом полоснул. Вот так взял – и шестью незатейливыми буквами отобрал ее собственное, заслуженное счастье. А ведь так нельзя! Нельзя у людей просто так счастье забирать!

Рыжий достал из портсигара помятую сигарету.

– Будешь? – предложил он Ане, протянув портсигар, – не стесняйся, сегодня твой день!

– Спасибо, я не курю! – учтиво ответила Аня.

– Это правильно, – с улыбкой ответил Рыжий и уже сквозь смех добавил, – здоровее будешь!

Подкуриив сигарету и смачно затянувшись, Рыжий демонстративно выдул весь дым прямо в лицо Ане. Эта едкая, вонючая гадость! В этой вони угадывалось все: горящий мусорный бак, паленые волосы, кошачьи экскременты... все, кроме сигаретного дыма. Когда-то ее, Аню, еще зеленой студенткой, препод со всем потоком водил в морг. Проверка на крепость, так сказать. Там, в морге, словно ценный экспонат в музее, им был предъявлен труп обгоревшего бомжа. Никто за неделю не удосужился его закопать в братской могиле, а потому он, выдержанный, как коньяк, прекрасно подходил для проверки решимости зародышей врача. Очень уж этот «аромат», въевшийся Ане прямо в мозги с тех пор, напоминал запах курица Рыжего.

Аня закашлялась и прослезилась.

И сквозь слезы она увидела своего ненаглядного похитителя девичьего счастья. А он, коварный вор, ничуть не страдая, «зажигал» с какими-то двумя блондинками в ночном клубе.

– Как тебе очередные экспонаты коллекции? – спросил Рыжий. – А парень – не промах, знает толк в прекрасном.

«Подонок!» – подумала Аня.

– Постой-ка, я тебе еще кое-что покажу... – сказал Рыжий и дунул чуток дымка в сторону. В образовавшемся облачке виднелась какая-то девчужка, сидевшая у окна с телефоном наперевес. Будто ждала, что кто-то с минуты на минуту ей позвонит, чтобы украсть ее, грустную и одинокую, из ее темницы серых дней.

– Никого не напоминает? – лукаво спросил Рыжий.

Ну как же не напоминает? Еще как напоминает!

«Сволочь, подонок, тварь!» – все думала Аня с усиливающейся ненавистью.

– Стоило оно того? – с издевкой спросил Рыжий.

Конечно не стоило! Но что поделать, если поделать ничего нельзя?

– А каково твоим родным и близким? – продолжал проповедь Рыжий, – не ты ли «справедливо» считала, что твоя жизнь – только твоя и никому до нее дела нет? Что решила – то и сделаешь.

– Я... я... – Аня пыталась подобрать слова оправдания, но слова никак не подбирались.

– Твои родители, поди, каждый месяц детей хоронят?

– Кончай добивать девчонку! – вмешалась в разговор Училка. – Она, вон, и так вся трясется.

Аня действительно дрожала вся, как осиновый лист на ветру. Страх перед пугающей неизбежностью напрочь отбивал способность что-то обдумывать. Ничего разумного в голове не было, а был лишь необузданный тремор, путавший решительно все мысли, смешивая их в беспорядочный клубок.

– Я тебе сообщу, как только закончу, – огрызнулся Рыжий, – можешь ей чайку сообразить, пока мы тут тестиккулы парим в ожидании. И мне тоже.

– Я тебе сообщу, если вдруг захочу тебя чаем напоить, – не залезая за словом в карман, Училка с легкостью осадила Рыжего, – а пока с тебя и смолы хватит.

– На том и порешим! – подытожил спор Рыжий и обратил свой злобный взор в сторону Ани.

– Ты же с детства высоты боялась? Ты же плавать чуть лучше топора только в пятнадцать научилась! Чего тебя на мост понесло?! Зря я, что ли, старался с предостережениями?

– Да уж! Ты – мастер подсказок! – продолжала подкалывать Училка, не отрываясь от работы. – Ты бы еще пуканье наслал на тех, кто газом удушиться вздумал! Не жизнь, а прям шарада какая-то!

– А что прикажешь мне следовало сделать, мисс прямота? – парировал Рыжий, – аки ангел белокрылый, подхватить ее, прыгунью, прямо в полете? Так я не из того племени, чтобы чудеса посреди ясного неба творить!

– Рогами бы подцепил! – не унималась Училка.

– А багорик, думаешь, так просто у рыбачка завелся?

Пока велся спор, Аня пробовала хоть как-то привести себя в порядок. Ей даже удалось умирить дрожь и как-то успокоиться, но... Но события развивались слишком стремительно, не давая свежепреставившейся ни вздохнуть, ни опомниться. В голове назойливо вертелось: «Что со мной будет?».

– Я, будь я на твоём месте, – Рыжий поморщился, словно проглотил горсть прелых семечек, – озаботился бы вопросом: «Что было?».

«Что было? А что-то было?» – подумала Аня, пытаясь понять смысл сказанного.

Рыжий неспешно взял толстую папку со стойки, за которой сидела Училка. «Мое досье?» – предположила Аня.

– Твое, – ответил Рыжий, который, видимо, без труда читал все мысли Ани.

Училка грустно взглянула на Аню и как-то нехорошо повела головой, словно давая той понять, что дальше ее ждет что-то плохое, похлеще прежнего.

Рыжий раскрыл папку, обнажив какие-то пыльные страницы. Пыль была странной, совсем не похожей на ту, с которой иногда приходилось бороться Ане. И то, по наставлению матери. Пыль была разноцветной, будто блестки. Она игриво переливалась в нежно-молочном свете коридора.

Рыжий картинно вдохнул и, что было духу, сдул всю пыль со страниц прямо Ане в лицо. Блестящее облачко пыли-блесток облепило Аню с головы до пят. И откуда ее столько взялось?! Пыль, словно дрессированная, послушно повисла в воздухе вокруг Ани, не смея ни на секунду покинуть свою хозяйку. Стало резать в глазах и кружиться в голове. Сквозь блеск пылинок стали появляться какие-то образы, живые картинки и обрывки чего-то, что нельзя было назвать ни мыслью, ни воспоминанием, ни эмоцией. «Что-то».

«Тропический лес. Какое-то племя полуголых мужчин и женщин. Темноволосая, приземистая туземка, хорошо беременная по виду... Я?» – увиденный образ показался Ане незнакомым, но где-то в глубине подсознания возникло стойкое чувство, будто она смотрится в зеркало. «Маленькая девочка. Очень маленькая, еще так неуверенно бежит. Дочь? Моя дочь?!». Аня на мгновение расчувствовалась, едва не до слез. «Муж. Он есть? Есть. Или нет? Погиб? Отверженная? За что?!». Живые картинки из того самого «что-то» начали выстраивать в стройный ряд, позволяя понять суть происходившего. Или происходящего? В общем-то не важно. Важно, что стройность картинок, как и стройность мыслей, позволяли Ане приблизиться к какой-то загадке, которую ей, по-видимому, предстояло разгадать.

Аня действительно была туземкой. Тропический лес, полный висящей в воздухе влаги, диковинных растений, чудных птиц, зверей и гадов, любезно приютил Анино племя, дав им вид на жительство возле небольшой речушки. По одну сторону реки было само племя, а по другую жили те, кто племенем был отвергнут. Кардинальные решения старого вождя-мараматика, кашлявшего кровью и стоявшего одной ногой в могиле, увы, не обсуждались, сколь бы абсурдными они ни были. И Аня почему-то оказалась не по ту сторону реки. Что-то случилось с мужем. Что произошло и при каких обстоятельствах, было не понятно. Но понятно одно:

с гибелью мужа Аню, на сносях, с маленькой дочкой на руках, немедленно переселили прочь от общей кормушки.

Было очень тяжело. А с рождением сына стало еще тяжелее. Не хватало еды, молока и не было крова. Благополучный речной берег совсем не помогал тем, кто был по ту сторону лесной жизни. Приходилось рассчитывать на себя и на таких же несчастных, коих на проклятом берегу было совсем не много. Голод, травмы и болезни лихо косили ряды отверженных, в основном женщин. Так дальше жить нельзя! Жить нельзя...

Ранним и погожим, совсем не добрым утром, Аня-туземка взяла своих детей, усадила их на берегу реки, на самом видном месте, надеясь, видимо, на милость высших сил и человечность бывших соплеменников, а сама отправилась в самую гущу леса с одним ножом. Дети: девочка что-то около трех лет и мальчик, которому еще не было года, послушно сидели в ожидании матери. А она сама, что было силы, побежала вглубь леса, отчаянно сражаясь с острыми листьями и колючими кустами. Сколько она бежала – она не знала, сколько хватило сил.

Окончательно обессилив, Аня-туземка опустилась на колени и стала плакать. Нож, молнией сверкнувший в ее руках, быстро опустился в район локтя и крепко резанул левую руку до самого запястья. Да так крепко, что рука повисла безжизненной плетью. Кровь струилась ручьями, унося жизненные силы и остатки надежды. Еще один взмах! Дикая боль в животе и обжигающий поток крови. Потом удар, еще удар, еще... В грудь, туда, где все еще билось истерзанное сердце. Небеса, внезапно разверзшиеся проливным дождем, смывали горькие слезы с ее бледного лица. Будто бы высшие силы прощались с ней, смывая грех с ее души. И оплакивали незавидную участь брошенных и обездоленных детей, оставленных на произвол судьбы-злодейки ею, Аней-туземкой.

Аня, уже та Аня в ночнушке и тапочках, стоявшая подле своего рыжего инквизитора, горько плакала.

– Что случилось с моими детьми? – сквозь слезы спросила она.

– Мальчик погиб. А девочка смогла спастись, – равнодушно отвечал Рыжий, которого, казалось бы, трагедия, развернувшаяся на глазах безутешной матери, аж никак не трогала, – спустя две недели ваш вождь наконец-то отправился к праотцам. А его сын и преемник по такому случаю воссоединил племя. Так твоя дочь и спаслась. Она, кстати, простила тебя. Долго злилась, но простила.

– Боже! – Аня закрыла руками заплаканное лицо и опустилась на колени.

– Да ты глаз-то не закрывай, еще не все! – сказал Рыжий и силой оторвал руки от Аниного лица.

Пылинки вокруг Ани вновь заплясали причудливыми красками, резавшими глаза и кружившими голову. И вновь круговорот картинок из этого самого «что-то» подхватил Аню, унося прочь в даль времен.

Теперь упорядочивать «что-то» стало гораздо проще. То ли Аня приловчилась, то ли времена были не столь далеки.

Богатое имение. Можно сказать, замок. Она – дочь благородной семьи, знатная красавица голубых кровей. Взрослая, уже на выданье. Ее брат-близнец, ловкий, белокурый юноша, будущий наследник славного семейного прошлого и самый близкий человек в ее благородной жизни. «У меня есть брат-близнец? Как же здорово!».

Аня... ну уж нет! Не пристало знатной даме Аней зваться. Только Анна! Жизнь Анны столь же благополучна, как и она сама. А как еще может быть у богатой и именитой молодой красавицы, жизнь которой стелется скатертью, устланной лепестками роз?! Только бы родовую честь соблюсти.

Но что-то не так. Что? Боже, она беременна! Она, незамужняя знатная дама беременна от какого-то простолюдина! Как такое могло случиться?! Да нет, не это важно. Как теперь быть?! Никто, решительно никто не должен об этом знать! Разве, что брат...

Ах, эта чертова родовая честь, впитанная с молоком матери и вычерченная родовым гербом на сердце! Это благословение и проклятие одновременно! Что может быть хуже ее потери?! Что может спасти от позора не только ее, но и весь ее род? Ни уговоры брата, ни скорбные раздумья тревожными днями и бессонными ночами... Ничто! Каждый день лишь приближал ее, благородную Анну, к постыдной развязке, ставящей крест на всем ее будущем.

Решено!

Солнечный свет, пробиваясь сквозь роскошные витражи, рисовал разноцветные картинки на каменном полу и стенах комнаты. Массивная деревянная дверь с зеркалом изнутри слегка двигалась, поскрипывая на петлях. Видимо, ее просто забыли закрыть. А зеркало, двигавшееся вместе с дверью, словно заботливая нянька, выгуливало милых отпрысков разноцветного витражного солнца. Зайчики-непоседы разных цветов задорно прыгали по комнате. То на массивную кровать, норовя поскакать на перине, как малые сорванцы. То на резной секретер, словно желая заглянуть в чьи-то секреты. То на стул, опрокинутый кем-то прямо посреди комнаты. И только веревку, одним концом привязанную к потолочной балке, а другим туго затянутую на изящной женской шее, они обходили стороной. Образовавшийся совсем недавно, этот предмет интерьера, безобразный во всей его уродливой бессмысленности, их совершенно не интересовал...

Рыжий молча стоял и докуривал сигарету. Училка что-то писала. А Аня, еле держась на ногах, стояла, обхватив руками шею, словно пытаясь защитить ее. От чего? Все, что могло свершиться, уже свершилось и событиям давно минувших дней обратного хода нет.

– Она, петлю судьбы сплетя,

Себя до смерти удушила.

И не рожденное дитя,

С собой в могилу утащила.

Рыжий, спокойно докурив сигарету, небрежно бросил окурок на пол коридора, где он благополучно исчез без следа.

Аня ничего не могла сказать. Ее охватило оцепенение. Она стояла, обхватив руками шею, и не могла ни шевелиться, ни говорить, ни, казалось бы, думать. Словно какие-то путы сковали ее тело и ее мысли. Было очень тяжело дышать, будто ее душили. Страшно болела левая рука. А воздух вокруг стал таким тяжелым, как вода.

– А я же тебя предупредал! – назидательно сказал Рыжий.

Он повел рукой в воздухе. Пылинки-блестки послушно последовали за его рукой, рисуя живые картинки перед глазами Ани.

– Посмотри внимательнее на левую руку благородной висельницы, – и Рыжий указал пальцем на одну из картинок.

Да, действительно было что-то не так. Внешность благородной Анны никак не выдавала какого-то изъяна. Дорогие платья, вышитые золотом и жемчугами, надежно скрывали дефект благородства от глаз простолюдин. Но движения, эти неловкие движения изящной кистью руки, не знавшей ни дня тяжелого труда, не могли скрыть досадного несовершенства.

Когда-то, когда благородная Анна была еще благородной Анечкой, играли они с братом-близнецом в саду. Она конечно же была принцессой, похищенной драконом, брат – доблестным рыцарем, храбрым спасителем принцессы. Роль дракона отводилась садовнику, благо, он был огромным мужчиной совсем не прекрасной наружности. Настоящий дракон!

И вот, в самый разгар игры, когда храбрый рыцарь, оседлав дракона, лихо размахивал садовым ножом в знак победы, а принцесса от души радовалась счастливому спасению, садовника хватил удар. Садовник огромной человеческой глыбой, сам того не желая, повалился прямо на маленькую Анечку, увлекая за собой оседлавшего его доблестного рыцаря с садовым ножом. Могло случиться все, что угодно. И вполне могло все обойтись. Но случилось так, что нож впился в Аничкину руку чуть ниже локтя, и по ходу падения, глубоко резанул ее до кисти.

Лучшие доктора боролись за руку благородной Анечки. «Руку благородной Анечки». Поэтично звучит. На самом деле никакой поэзией и не пахло, лишь суровая жизненная проза, обернувшаяся неисправимым увечьем.

– И напоминанием о роковом поступке, некогда совершенным малодушной особой, – добавил Рыжий, вмешавшись в разбор «чего-то».

И действительно! Аня-туземка, что было силы, резанула именно левую руку. Ту, которой благородная Анна так и не могла толком ничего делать аж до роковой петли.

– Тебе мать наверняка рассказывала о том, как ты родилась, – продолжал Рыжий, – обвинение пуповиной, сложные роды, сутки в кювезе³ после. Да что я тебе тут распинаясь?! Вспоминай!

Да, мама неохотно рассказывала об этом, словно пытаясь забыть об этом инциденте, не самом светлом в ее жизни.

– Ты же до сих пор терпеть не можешь шарфиков, цепочек и свитеров под горло, – говорил с упреком Рыжий, – они для тебя, как петля на шее, благородная висельница!

«Господи! Все так и есть!» – с ужасом и досадой думала Аня.

– А теперь взгляни в лицо своего сына, которого ты обрекла на смерть!

Рыжий вновь повел рукой и картинка, ужасающая своей реальностью, показала маленького мальчика, от голода и холода умиравшего на руках его сестры. Умиравшего на том берегу, где их когда-то оставила мать. Истощенное лицо мальчика было очень знакомым Ане, очень очень.

«Боже, да это же Саша!». Аня узнала в мальчике некогда любимые черты, будто это было фото ее возлюбленного из далекого детства.

– А дочь твоя, девочка. Да, да! Никого тебе не напоминает?

В Аниной семье, как, пожалуй, в большинстве семей, был большой фотоархив – памятные картинки славных семейных лет. Фотографий было много. Они лежали в большой, пыльной коробке из-под чешских хрустальных фужеров – некогда весьма модном элементе интерьера. Там были фото маленьких деток: Анечки, ее брата, двоюродных родственников и родственников этих родственников. Были фотографии родителей, когда они тоже были такими же маленькими. Даже бабушка, еще молодая, красовалась в старомодном платье на выцветшей и пожелтевшей от времени фотобумаге.

«Мама! Мамочка! Любимая моя, единственная! Прости меня!». Аня вновь не смогла сдержать слез.

Мама, невзирая на всю ее внешнюю строгость и требовательность, все прощала Ане. И проказы по малолетству, и обиды, вольно или невольно наносимые ей любимым чадом. Прощала, как простила ей некогда дочь ее малодушный поступок.

– Да ты – просто ангел-хранитель какой-то! – вновь уколола Училка, наблюдавшая за происходящим вполглаза.

– Попрошу без оскорблений! – возмутился Рыжий. – Я для нее, – и он указал пухлым пальцем на Аню, – сделал гораздо больше, чем все эти пернатые тунеядцы!

– Можешь себе нимб на рога подцепить! – не унималась Училка.

– Я тут, между прочим, важным делом занимаюсь, если ты не заметила! – отвечал Рыжий, заводясь по ходу разговора.

– Они тоже свое дело делали, – спокойно отвечала Училка.

– Правда?! – издевательским тоном вопрошал Рыжий. – Нет, ты серьезно? Классно сработали, подогнав попрыгунье этого коллекционера юбок! Ничего более умного придумать не могли, чем сосватать отъявленного бабника девке, у которой два суицида за спиной! Прямо

³ кювез – приспособление с автоматической подачей кислорода и с поддержанием оптимальной температуры, в который помещают недоношенного или заболевшего новорожденного.

любовь всей ее жизни! Тут Нострадамусом быть не надо, чтобы понять весь идиотизм таких плодов праведного труда. А организация романтического вечера на мосту, что на окраине? Уж им-то хорошо было известно, чем может дело кончиться! Навели пафоса: багровый закат, речка, птички... Тьфу, павлины жопахвостые!

– Они делали свою работу, – вновь утвердительно сказала Училка.

– А я – свою. Пусть грязную и страшную, но не менее важную! – гордо ответил Рыжий. – И я не виноват в том, что кто-то оказался слеп и глух к маякам судьбы!

– Словом, все накосячили, – подытожила прения Училка.

А Аня? Ане было не до их спора. Она все стояла и думала, как же так может быть, чтобы она, совсем неглупая девочка, не могла понять этих знаков? Ведь сейчас все было понятно, все видно, как на ладони! Почему же еще полчаса назад все не казалось таким очевидным?! Очевидно важным, что могло бы сохранить ей жизнь.

Спор утих и в коридоре воцарилось безмолвие. Училка что-то писала, Рыжий, положив толстенную Анину папку на стойку, принялся с увлечением ковыряться в портсигаре, настойчиво пытаясь извлечь оттуда очередную вонючку. Аня молча стояла, терзаемая горестными думами. Все чего-то ждали...

Томительное ожидание внезапно было прервано Училкой.

– Предписание! – командным голосом сказала она, протягивая Рыжему какую-то бумагу.

Но Рыжий самозабвенно продолжал отлавливать непослушную сигарету из портсигара, не обращая внимания на, по-видимому, важную бумагу.

– Предписа- НИ-Е! – повторила Училка.

Аня поняла, что это предписание – и есть ее приговор. Она скрестила пальцы, как скрепляют пальцы учащиеся в надежде вытянуть счастливый билет. Ей очень хотелось все вернуть вспять! Очень хотелось жить. Жить и радоваться удивительному дару небес. Она силилась вспомнить хоть какую-то молитву, в надежде на то, что кто-то сверху, кто вершит и ее судьбу, будет к ней благосклонным. Но в голове, как на зло, ни одной молитвы не вспомнилось, даже «Отче наш».

Тогда Аня принялась молить Всевышнего о пощаде и милосердии. «Боже, будь ко мне милосерден!» – в мыслях все повторяла и повторяла она.

– Милосерден?! – Рыжий встрепенулся, словно его кипятком обдали. – МИЛОСЕРДЕН?!

Он резко отдернул руку, уже было протянутую за Аниным приговором.

– Да как ты смеешь просить о милосердии?! Ты, погубившая двоих невинных детей своими преступными поступками! Ты, обрекая своих родных на безутешное горе, которое нельзя оплакать или забыть! Ты, отвергшая высший дар Его!

– ПРЕДПИСАНИЕ! – едва ли не кричала Училка, стараясь достучаться до благоразумия Рыжего в надежде восстановить запланированный ход событий.

Но праведный гнев рыжего наставника уже нельзя было унять. Голос Рыжего, прежде противный, хрипловатый, превращался в грозный глас судьбы, сокрушающий все надежды на спасение.

– Ты просишь о милосердии того, кто и без того излишне милосерден к тебе! Его милости хватило на то, чтобы вновь и вновь давать тебе шанс прожить жизнь. Но ты растоптала его бесценный дар! Ты, Его глупое, никчемное создание, раз за разом разрушала Его гениальный труд, труд миллиардов лет эволюции! Ты даже не можешь понять, сколь милосерден Он был к тебе, позволяя тебе, ничтожной твари, просто умереть, а не провести остаток дней в мучениях, став беспомощной калекой! Он снова и снова одаривал тебя своим милосердием, своей любовью, которая снова и снова оставалась неоцененной! Ты резала, душила и бросала с моста Его любовь, Его милость, Его величайшее благородство! Даже сейчас, вместо того, чтобы смиренно принять свою участь, ты вымаливаешь Его милосердие, которого ты не заслуживаешь!

– Не тебе решать! – четко и твердо сказала Училка, все еще надеясь на predetermined ход дела.

– Нет! Не в этот раз! МНЕ РЕШАТЬ! – грозно ответил Рыжий, быстро схватил Анину папку со стойки, резко отскочил и трижды постучал по портсигару.

Коридор за стойкой заволокла тьма. Это была не просто темнота, которая случается каждой ночью в комнате, если выключить свет. Это была Тьма! Своими черными глазами Тьма смотрела на Аню, испепеляя ее душу! Она неотвратно надвигалась на нее, грозясь вот-вот поглотить несчастную девушку в ночнушке и тапочках. Поглотить и погрузить в свое лоно забвения.

Училка отпрянула вглубь стойки и как-то съежилась, словно мышь, заведя кота.

Тьма остановилась буквально в паре шагов от стойки. Из Тьмы вышел высокий, статный господин, одетый в изумительно элегантный темный френч. Он размеренным, важным шагом направился к Ане. В нем во всем: и одежде, и прическе, и движениях читалось его высокоблагородное происхождение. Встреться он Ане среди людей, она бы непременно посчитала его каким-то принцем голубых кровей, наследником престола славной страны и человеком, который, пожалуй, может все. А кем он был здесь? Сам Дьявол? Вполне. А уж если и не Дьявол, то явно особа, приближенная к таковому. Даже Училка, надменно-пренебрежительно относившаяся к Рыжему, в знак уважения припустила голову, едва слышно прошептав: «Бедная девочка».

Рыжий, видимо довольный собой, закурил наконец добытую из портсигара сигарету.

Проходя мимо стойки, темный господин коснулся пальцем предписания, брошенного Училкой поверх стопки папок. Листок бумаги, Анин приговор, которой вполне мог огласить ее помилование, тут же превратился в прах.

Он приблизился к Ане и посмотрел на нее абсолютно черными глазами. Даже склеры глаз были черными. Они были настолько черными, что даже не блестели, как глаза обычных людей, а вглядывались в Аню своей зияющей чернотой. Темный господин протянул руку ладонью вверх к Рыжему, а тот положил на ладонь темного господина Анину папку. Темный господин, ничего не говоря и не отводя взгляда от Ани, стал покачивать рукой, как качается чаша весов, словно взвешивая судьбу несчастной.

В коридоре воцарилась гробовая тишина, изредка прерываемая потрескиванием и шипением сигареты Рыжего. Училка стояла молча в глубине стойки, не смея пошелохнуться. Рыжий с довольной ухмылкой спокойно наблюдал за происходившим. Темный господин все качал и качал рукой, по-видимому, оценивая все обстоятельства дела. А Аня? Аня стояла в полном ужасе и бессилии перед своим судьей и палачом. Она ждала чего-то ужасного, чего даже придумать нельзя. Всем своим видом она напоминала приговоренного к обезглавливанию на плахе, который безо всякой надежды ждет запоздалого взмаха топора.

Наконец темный господин, видимо взвесивший все «за» и «против», вернул папку Рыжему, развернулся, не говоря ни слова, и величественным шагом удалился во Тьму, которая поглотила его так же бесшумно, как и породила. Тьма отступила вглубь коридора и рассеялась, оставив после себя облачко темного дыма.

Рыжий подошел к стойке, за которой уже сидела и что-то писала Училка, словно ничего и не было, положил Анину папку поверх стопки таких же безликих папок-судеб и направился к Ане.

– Цену уплачено! – сказал он Ане голосом человека, выполнившего свою работу и получившего за нее достойную оплату.

Затем он залез в карман плаща и извлек оттуда какое-то колечко.

– Это тебе подарок, – с этими словами Рыжий взял левую руку Ани и надел на безымянный палец кольцо. Аня совсем не сопротивлялась, пребывая в каком-то гипнотическом состоя-

нии, как кролик перед удавом. И лишь взглянула на подарок. Это было колечко, подаренное ей мамой ко дню двадцатилетия. То колечко, которое она зачем-то одела в ту злополучную ночь.

– Носить его тебе до скончания дней. Свидимся.

Рыжий щелкнул пальцами и Аня погрузилась в полный мрак и беззвучие.

Рваными обрывками бумаги сознание начало возвращаться к Ане. Вместе с сознанием к Ане пожаловала жуткая боль. Безумно болела голова, так и норовя взорваться в любой момент. Дико шумело в ушах. Глаз было не открыть. В горле было что-то, что вызывало сильный дискомфорт. Видимо трахеостомическая трубка. Болела грудь. Безумно болела и жгла спина, словно бы Аня лежала на раскаленных гвоздях. Болел живот, особенно внизу. Очень болели пальцы левой руки, в особенности безымянный. А ног Аня совсем не чувствовала, будто бы их не было.

Появившийся слух, все еще слабый, сквозь шум в ушах стал улавливать чей-то негромкий разговор.

– ... а ему-то за что все это? Едва успел с ней тут разобраться, с врачами решить да лекарства закупить, как тут же жена.

– А что жена?

– А что? А ничего! Умерла жена. Сердце разорвалось от горя. Не вынесла она того, что дочь ей учудила. Как узнала, что ее полоумная с моста сиганула, так сразу сюда с мужем прилетела. Поначалу еще ничего, молодцом держалась. Все с мужем к ней рвались, к этой очумелой. Их-то, само собой, к ней не пустили, тяжелая. Пока муж с Михалычем говорил, она в коридорчике тихонько обмякла и на пол опустилась. Кинулись не сразу, не до нее. А как кинулись – уже поздно. Качали, качали, а все без толку. Вчера схоронил.

– Ишь ты, как оно бывает!

– Ага.

– А чего рука то у нее по локоть в гипсе?

– А то ты не видела?! У нее ж, когда со скорой на каталке катили, палец чуть ли не оторванным болтался. Я заметила. На одной коже висел. Говорят, кольцом ударились, когда падала. Вот то кольцо ей палец и срезало.

– А колечко то на ней было?

– Не, не было. Может выпало по дороге, может там, в реке осталось.

– А бойцы со скоряка умыкнуть не могли?

– А черт их зна...

Сознание вновь покинуло Аню, так и не дав ей дослушать разговор каких-то двух неизвестных ей женщин. И Аня опять погрузилась во мрак и беззвучие, туда, где нет ни боли, ни печали, ни мрачных дум, ни надежд. И где нет, собственно, ее самой.

Смена подходила к концу. Усталый врач тяжелой, шаркающей тапочками походкой, вышел из большой палаты с несколькими койками, отгороженными друг от друга наспех сооруженными ширмами. Он тихонько закрыл за собой дверь с вывеской «Интенсивная терапия», оставив за закрытой дверью тревожные писки мониторов, стоны больных и еще один трудный день обычного врача-реаниматолога. А там, за дверью, остались те, кто все еще не терял надежды на спасение, отчаянно борясь со смертью, и те, кто, утратив все силы, готовились покинуть этот мир.

В коридоре его ждала медсестра с какими-то бумагами в руках. Опять придется заполнять все эти формы, бланки и прочую совсем не врачебную ерунду.

– Вот ведь как бывает, Любушка, – врач тихонько начал разговор с медсестрой, – мы, вроде, провели большую работу, можно сказать, с того света вытащили.

– Да вы вытащили, Михал Михалыч! – перебила его медсестра.

– Все мы вытащили. То, что она жить будет – факт. Стабильна, хоть все еще и тяжелая. Но как жить? Инвалидное кресло и болеутоляющие ей до конца жизни обеспечены. Детей иметь не сможет. Да еще в добавок с матерью такое приключилось, словно кара небесная. Вот нужна ли ей такая жизнь? Уж не лучше ли было ...

– Да Господь с вами, Михал Михалыч! Что вы такое говорите?! – прервала его медсестра. – Не мы-то с вами ее с моста столкнули. Мы же..., вы же такую работу проделали! Вы жизнь ей подарили! А уж какая она у нее дальше будет – не нам решать, чай, люди обычные, не небожители.

– Вот сколько работаю, Любушка, а все не перестаю удивляться превратностям судьбы. Всякое повидал. А все никак не привыкну. Заматереть, что ль, никак не могу?

– Мягкий вы человек, Михал Михалыч! – ласково сказала медсестра. – Вы им частичку души своей широкой отдаете, жизнью делитесь. Так вот раздадите себя полностью, а самому ничего не останется. Бросьте вы эти думы! Отдохнуть вам надо.

– Да, отдохнуть... – устало ответил врач.

– А насчет этой попрыгуньи вы не переживайте. Все, что можно было сделать – уже сделано на славу. А дальше... Дальше ее черед по жизни идти.

Врач устало кивнул. А медсестра, сама того от себя не ожидая, вдруг сказала:

– Фея ночной реки...

И они оба неспешным шагом пошли прочь от двери с табличкой «Интенсивная терапия».

Электрик от Бога

На окраине города, в общем-то, не такого большого, чтобы считаться мегаполисом, но и не такого маленького, чтобы быть селом, поселился один мужичок. Там, на окраине, все еще стояли небольшие домики, тихонько бытовавшие в тени замков нуворишей, небольшие огородики, домашняя скотинка и прочие милые прелести, совсем не присущие суетливому городу. И, как водится в местах не суетных, все не суетные жители в округе прекрасно знали друг о друге почти все. Не то, что город со своими людскими муравейниками, где соседи, прожив полвека напротив, друг дружку в лицо не знают.

Мужичок тот домик небольшой прикупил. Справный, небольшой домик с огородиком. Лет пяток назад прикупил и переехал туда с семьей. Хороший мужичок. И семья хорошая. Шрам у мужичка был, через все лицо змеей вился...

Нет. Пожалуй, начнем не с этого.

Еще один апрельский день, стартовавший истошным ревом будильника на последнем издыхании, близился к завершению. Простые работяги, золотыми руками рождавшие такие нужные вещи для всего народа, потихоньку заканчивали свои дела. Производство готовилось к отдыху.

С самого утра, примчав на работу, на удивление без перегара и опоздания, славный труженик, электрик Анатолий Петрович, быстро сменил привычный «прикид» обычного гражданина на одеяние трудового героя.

Классик писал: «Бесконечно можно смотреть на три вещи: горящий огонь, бегущую воду и на то, как работает другой человек». Поскольку в цеху сегодня ничего не горело и не текло, Петрович с самого утра принялся с интересом наблюдать за трудовым подвигом своих коллег. К объектам же своего труда Петрович предпочитал приступать после обстоятельного обдумывания. Ведь электричество – штука обстоятельная и заниматься им нужно только по обстоятельствам, то есть когда припечет. А чтобы никто, в особенности начальник цеха, не мешал суровым думам об обстоятельном, Петрович всегда носил с собой моток проводов, перекинутый через плечо. На любой вопрос о пути и цели следования, Петрович смело отвечал: «Я это сейчас там...». В пылу производственного подвига никто не разбирался, что такое «это», где оно и когда случится это «сейчас».

Начальника цеха на горизонте не было, и Петрович, поскрипывая стулом, безнаказанно искрил мозгами, наслаждаясь сказочным зрелищем чужой деятельности.

День был просто прекрасен! Во-первых, это была пятница, что само по себе уже праздник. Во-вторых, получка, нет так давно любезно выданная Гавриловной, все еще оттопыривала карман, открывая широкие перспективы на выходные. И, в-третьих, сегодня, в этот знаменательный день, праздновал свой день рождения наладчик Пяткин. Трудовой коллектив был прекрасно осведомлен об этом памятном событии и уже с самого утра готовился к поздравлениям. Чего нельзя было сказать о Пяткине.

С самого утра Пяткина поразила коварная болезнь, названия которой медицина пока не придумала, а смекалистый народ окрестил «жаба». Пяткин удумал совершить непозволительный поступок: утаить радость своего рождения от трудового коллектива. Трудовой коллектив из того самого смекалистого народа прекрасно знал, как бороться с этой хворью. И Пяткин, доставая свою новую, едва ли не недельной давности робу из ведра с мазутом, горько сожалел о задуманном.

Излечившись от коварной хвори, Пяткин пулей мотнулся мимо проходной за «сидором» и принялся кропотливо организовывать скромный банкет, грозивший скрасить конец трудового дня обычных работяг. Местом проведения банкета была выбрана коморка в углу цеха,

которая, казалось бы, для этого специально задумывалась. Все, что происходило в этом маленьком помещении, было надежно скрыто от посторонних глаз «потустороннего» начальства.

Трудовой день подошел к концу и все, включая Петровича, устремились к праздничному столу, норовя занять место поближе к источнику пищи. Да будет праздник!

Где-то посередине празднества, когда селедка уже была съедена, а тарелка с бутербродами грозила обнажить дно, в цеху раздался «потусторонний» крик начальника цеха. Раскапываясь эхом по просторному помещению, голос начальника сильно походил на грозный глас Сатаны из самых глубин ада.

– Петрович! Петро-ооович, твою мать!

Петрович, понимая всю серьезность положения, быстро опрокинул стопарь, протолкнув его шпротиной, и тяжело вздохнул. Как заправский танцор с цветком в зубах, Петрович метнул в рот массивную ветку укропа и бодрым, слегка сбивающимся шагом, устремился к трудовым свершениям на благо человечества.

– Да ты,, опять синий, Петрович! – справедливо заметил начальник цеха.

Петрович, открыто выступавший против расизма, тут же выдвинул протест против цветовой дифференциации людей. Увы, протест принят не был.

– Ты мне что две недели назад обещал, паршивец эдакий?! – продолжал чихвостить начальник цеха. – Правильно! Разобраться со щитком!

– Так я того, этого... – принялся оправдываться Петрович.

– А вчера на складе готовой продукции пропал свет. По твоей милости, балбес искрометный! Понимаешь?

– А я-то к свету при чем? – непонимающе ответил Петрович.

– Не понимаешь? Ты вообще что-то понимаешь?! Щиток... свет... – медленно, едва ли не на пальцах стал объяснять разгневанный начальник цеха, – ты же, гад проспиртованный, его еще две недели назад грозился сделать!

– Так я и сделал! – возразил Петрович, вспоминая, как он давеча самоотверженно ковырялся в этом лабиринте проводов.

– Да ладно?! Ты, верно, запомятовал, забулдыга подворотный?! Так я тебе напомним, что ты тогда сказал, накрутив черта лысого в щитке. Ты, как ты выразился: «принял экстренные меры по временному восстановлению энергоснабжения производства из материалов, имевшихся в наличии». Так вот, твое «временное восстановление» накрылось медным тазом, не выдержав проверку временем.

Начальнику цеха очень запомнилась фраза Петровича. Не столько своей содержательностью, сколь тем, что рождена она была именно из уст электрика, человека, измученного невыносимыми условиями бытия.

– Так я того...

– Короче, Петрович, резво шуруй и восстанови мне свет на складе. И не временно, а так, чтобы твои внуки увидели! Иначе я тебя уволю к чертям собачьим и уже уволенного повешу посреди цеха на этом твоём мотке проводов. Будешь болтаться в назидание преемникам!

Перспектива быть уволенным, пугавшая Петровича даже больше, чем суд Линча, придала усталому электрику жизненных сил и Петрович, прихватив ящик с пыльными инструментами, отправился сражаться со злополучным щитком. Начальник цеха уже давно грозился уволить нерадивого электрика, но замены ему так и не мог найти. Толковые парни не очень обольщались той зарплатой, что сулил им коварный скупердяй. А менять Петровича на «Петровича» – гиблое дело. Уж лучше то зло, с которым ты хоть как-то знаком.

По дороге, заскочив на склад, Петрович воочию убедился в абсолютном отсутствии света. Склад был погружен в зловещую тьму, изредка озаряемую фонариком сторожа. Более того, света не было даже в коридоре, где, собственно, и размещался злополучный щиток. А путь доблестному воину с электрическими неполадками преграждали какие-то ящики и прочий хлам,

которые, как на зло, свалили здесь грузчики-лиходеи. Водрузив модный фонарь на голову, Петрович смело двинулся вперед, к месту трудовой славы.

Спотыкаясь и матерясь по пути, Петрович наконец-то добрался до искомого объекта обстоятельного труда. Да, давненько они не виделись! В том, что торчало из стены, сложно было узнать щиток. Конструкция из висящих макаронами проводов и искрящихся соединений, в темноте коридора больше напоминала убранство новогодней елки, чем электрический щиток. И с этими «временными мерами» двухнедельной давности что-то надо было делать.

Решение было принято мгновенно: поменять двухнедельные конструкции на сегодняшние, не утрачивая концепции «временности». Петрович давно себе грозился перебраться к чертовой матери этот щиток. И не только его. Но чертова мать, видимо занятая иными заботами, не давала своего согласия на упорядочивание хаотичного движения электронов. И, тем более, сегодня, вечером, в пятницу. Крутить электрику до полуночи в преддверии выходных было грехом, похлеще чем копать компостную яму в разгар Шабата для махрового хасида.

Было бы совсем неплохо обесточить щиток. Во всяком случае, того требовали нормы ТБ, с которыми Петрович был хорошо знаком. Но чтобы это сделать, нужно было пробраться дальше, по темному и захламленному коридору. А, по подсчетам Петровича, времени до конца последнего пузыря практически не оставалось. И он, славный электрик и верный товарищ в сплоченном трудовом коллективе, рисковал остаться у пустого корыта, выполняя требования этого самого ТБ. Совершенно недопустимо!

Самоотверженно зарывшись в искрящихся проводах, Петрович начал колдовать. И первое заклинание удалось ему на славу: в коридоре появился свет. «Верной дорогой идете, товарищи!» – подбодрил себя Петрович и продолжил дальше.

– Ты бы щиток обесточил, Макклауд! – послышался голос начальника цеха, стоявшего неподалеку в уже озаренном коридоре.

– Да все путем, ща будет... – бравурно ответил Петрович, пытаясь разжевать ветку кропа, по жесткости ничем не уступавшую верблюжьей колючке.

Каждый настоящий электрик хоть раз в своей жизни должен за руку поздороваться с током. А Петрович был самым, что ни на есть, настоящим. И моменты этих крепких рукопожатий вспоминал без особой радости, памятуя о том, что ручканье с электричеством ничего хорошего не несет для человека из плоти и крови. Но, хвала небесам, все обходилось легким испугом и испорченными штанами. Однако не сегодня...

Дурной глаз начальника цеха сыграл-таки свою злополучную роль. Высунув язык для большей сосредоточенности, Петрович смело копался во внутренностях щитка. И конец работе вроде уже был виден. Но тут... Петрович внезапно ощутил хорошо знакомый и весьма не долгожданный прилив энергии по телу. Приняв асану, доселе неизвестную йоге, Петрович с прикушенным языком и выпученными глазами застыл подле щитка, помигивая фонариком на многострадальной башке.

Начальник цеха, лицезревший весь этот театр абсурда, быстро схватил попавшийся под руку дрын и наотмашь, что было дури, лупанул Петровича, воплотив еще одну заветную мечту этим пятничным вечером. Петрович, как подкошенный, рухнул на пол, не выпуская искусанного языка из зубов.

Для Петровича же события развивались несколько по другому сценарию. После первого удара судьбы, Петрович ощутил второй, куда крепче первого. Его, словно бильярдный шарик, гонимый кием, что-то пнуло под зад. Да так, что он, с прикушенным языком и фонарем на голове, будто супергерой со стрингами поверх лосин, лихо устремился вверх, рассекая по пути облака и грозясь протаранить небесную твердь. Петрович даже не понял, как оказался в длинном светлом коридоре, вроде того, что был в заводууправлении.

В нескольких шагах от него была большая стойка, вроде той, что выбили себе «продавцы» из отдела продаж. Им, видите ли, клиентов надо обслуживать! А то, что славный элек-

трик до сих пор ходит неприкаянным, без своего кабинета и кожаного кресла, их не интересовало. Хапуги!

Возле стойки стоял какой-то рыжий гражданин, по виду очень напоминавший автослесаря Могорыча. Могорыч был чрезвычайно творческим человеком и мастером с поистине золотыми руками. И, как любой творческий человек, Могорыч чудил не по-детски. Он мог смело прийти в гараж после недельного запоя, совершенно не озаботившись несанкционированным прогулом и отчаянно «забив» на свою гигиену. Но золотые руки Могорыча удерживали завгара от необдуманного поступка. В пылу творческого порыва Могорыч смело мог поставить на колеса то, что уже лет пять, как было списано завгаром на металлолом. Неопрятный внешний вид и специфический запах гражданина у стойки совершенно не смутил Петровича, лишь придав большую схожесть с уже знакомым персонажем. Чтобы не путаться, Петрович сразу окрестил стоявшего Рыжим. В его жизни и одного Могорыча было с лихвой.

– Ты бы язык отпустил, – спокойно сказал Петровичу Рыжий.

Петрович разжал зубы и израненный язык, как побитая собака, уполз глубоко в рот.

– А ты, как я погляжу, не из тех, кто опасностей боится. Смелый. Не каждый смертный решится крутить электрику под напряжением. Ты случаем машину не водишь?

Петрович покачал головой из стороны в сторону. Израненный язык мстил Петровичу адской болью и наотрез отказывался произносить слова.

– Жаль. Было бы забавно посмотреть на «мистера-тормоза придумали трусы»... – задумчиво продолжал Рыжий. – У тебя с техникой безопасности как? Ты ее вообще учишь?

Петрович одобрительно хрюкнул.

– А чего тогда щиток не обесточил? – укоризненно спрашивал Рыжий.

Петрович лишь виновато пожал плечами.

– Ладно, смертничек, сейчас дождемся вердикта сверху, а там будем решать, куда тебя загулить, – вяло сказал Рыжий и, указывая на гражданку, что сидела за стойкой, добавил: – как только матушка соизволит выдать нам предписание по твою душу, – и Рыжий картинно поклонился гражданке за стойкой.

Гражданка за стойкой своей важностью и бюрократической выправкой очень напоминала Петровичу их кассиршу, Раису Гавриловну. Дважды в месяц Гавриловна становилась едва ли не самым главным человеком на производстве. Ну, пожалуй, вторым после главного инженера. В день аванса и день полочки. В эти дни Гавриловна шла на работу с высоко поднятой головой, предвкушая сладостную власть над простыми работягами, дармоедами и даже начальником цеха. Гавриловна смело могла захлопнуть окошко кассы перед самым носом очередного просящего, чтобы пару часов погонять чай в бухгалтерии. И спорить с ней было совершенно бесполезно! Даже опасно. Можно было смело отправиться в конец очереди, к тем, чьи «зарплатные ведомости пока отсутствовали». Ни шоколадок, ни цветов Гавриловна не принимала, оставаясь стойкой к попыткам подкупа должностного лица, что еще больше поднимало ее авторитет в глазах трудящихся. Вот Кассирша, как она есть!

Кассирша что-то усердно писала за стойкой, не обращая внимания на Рыжего и Петровича, ожидавших от нее чего-то.

Чего ждал Рыжий, он, по-видимому, знал, только не говорил. А вот чего парился Петрович, он понять никак не мог. Как и того, куда он попал и что ему за это будет.

В минуты томительного ожидания к стойке подошел какой-то паренек, одетый во все светлое. Он и сам был светлым. Соломенные волосы модной прической ниспадали ему на плечи, сливаясь своей светлостью с таким же светлым одеянием. Паренек в светлом выглядел, как маляр, только что закончивший белить потолок. Только, в отличие от маляра, пахло от паренька не побелкой и краской, а чем-то очень-очень приятным.

– Воспитываешь? – спросил он у Рыжего.

Рыжий ленно кивнул головой.

– И как? – не унимался Маляр.

– Хочь, тебе дам на воспитание? – отрезал Рыжий.

– Спасибо, у меня своих орлов хватает! – ответил Маляр и принялся с интересом наблюдать за тем, что будет происходить далее.

Время тянулось бесконечно долго. Петрович уже попрощался со своей последней электричкой, прекрасно понимая, что уже к этому времени боекомплект весь, до капли, был отстрелян и прямо сейчас не вяжущего лыка Пяткина боевые товарищи торжественно пронесут через проходную. Перспектив вскочить в последний вагон не было никаких.

– Слышь, Толян, ты бы дышал через раз и не в мою сторону, – пренебрежительно сказал Рыжий, – мне еще работать, знаешь ли.

Петрович втянул голову и стал выдыхать себе в робу, наполняя внутренности рабочей одежды дивными ароматами укропа, не переваренной шпротины и огненного зелья.

Наконец Кассирша протянула какую-то бумажку Рыжему, обозвав ее строгим голосом «предписанием».

Рыжий лениво взял бумагу из рук Кассирши, мельком бросил на нее взгляд и удивленно сказал Петровичу:

– А ты везучий!

Петрович так и не понял, в чем состояло его везение, потому что тут же обнаружил себя на больничной койке. Очень болел язык и большой палец на руке.

Следующим утром с перебинтованным пальцем и заштопанным, распухшим донельзя языком, Петрович был торжественно отправлен домой, как пациент, не представляющий никакого интереса для больницы.

Тем же вечером дома, лежа на продавленном диване, Петрович был погружен в тяжкие думы. То, что его долбануло током, он прекрасно понимал. Не впервой. Но вот что это такое было после? Что-то подобное с ним пару раз случалось в жизни, когда он имел неосторожность «зажечь огни» с Могорычом. Неделя беспробудного запоя у Петровича обычно венчалась задорно скачущими медведиками, нарисованными на обоях, бубнящими чертями, нагло растаскивавшими остатки закуси и манящими русалками, бередившими животные инстинкты еще о-го-го мужика. Из всего этого Петрович заключил, что с ним случился глюк и он отловил галюны на почве крайней усталости и нестерпимых побоев электротоком.

В перерывах между думами незадачливый электрик пытался носом выкурить сигарету. Из-за того, что язык, ополчившийся на коварство хозяина, нарочито не вмещался в рот и нахально выпирал, сомкнуть губы вокруг курева не представлялось возможным.

К концу второго дня к еще безмолвному Петровичу пожаловал сам начальник цеха. Начальник цеха культурно подивился необычному виду своего сотрудника, в душе наверняка не раз взоржав как сивый мерин. Заботливый руководитель торжественно объявил, что Петрович своим героическим поступком заслужил неделю больничного. И клятвенно пообещал отпуск летом, если его любимый электрик подпишет акт о поражении электротоком за пределами завода. Отпуска летом у Петровича не было очень давно, и он любезно согласился подписать коварную бумагу, одобрительно икнув при этом.

А третьего дня Петровича ждал визит его трудовых товарищей. Они завалились к нему в крохотную однушку шумной ватагой во главе с уже вышедшим из комы Пяткиным. Вот уж кто не стал лукавить, так это верные товарищи, всегда готовые подставить плечо помощи своему соратнику по труду. Вволю нахохотавшись и настобавшись, парни стали поздравлять Петровича со вторым днем рождения. А уж если такая оказия приключилась? Да, законы трудового коллектива надо чтить! И не важно, первый это день рождения или двадцать пятый. Благо дело, арсенал парни прихватили с собой, избавив Петровича от необходимости на пальцах изъясняться в ближайшем магазинчике. Хорошо, хоть Могорыч был настолько занят очередными

поисками истины, что проведать Петровича никак не мог. Иначе больничный электрика автоматически продлился бы еще на пару недель.

Спустя неделю бодрый и радостный Петрович наконец приступил к своим служебным обязанностям. Ноготь на большом пальце причудливо цвел разными красками, а язык, уже примирившийся с хозяином, болел все меньше и меньше. Жизнь налаживалась.

Тот злополучный щиток Петрович все-таки сделал. Сделал на славу, насколько велела ему профессиональная сноровка, как того требовал начальника цеха и насколько позволяла чертова мать. К несчастью, щиток был не единственным объектом на производстве, требовавшим руки мастера с уже отцветавшим и отваливающимся ногтем большого пальца.

Не прошло и месяца после инцидента, как вновь случилась неприятность. В очередной раз погасли фонари, освещавшие небольшую аллею перед заводоуправлением. Плевое дело. Петрович знал о проблеме, потому что проблема с завидной регулярностью напоминала о себе. Все дело было в контактной группе щитка, находившейся в здании завода. В отличие от «новогоднего», складского, щиток наружного освещения был вполне приличным на вид. Но уж очень старым! Менять «кишки» никто не собирался, и проблема решалась пресловутыми «временными мерами». Проблема наружного освещения перед руководством стояла на последнем месте, сразу после кабинета и кожаного кресла Петровича, поэтому финансировать облагораживание щитка никто не торопился.

Да и хрен бы с тем светом, если бы не главный инженер, не в добрый час решивший прогуляться по аллее в темное время суток. Гордо дефилируя по своим владениям, грозный помещик впотьмах перецепился через какой-то дыр и растянулся, вымазав свой дорогуший костюм и порвав брюки.

Об этом досадном событии тут же узнал весь завод, включая Петровича. Главный инженер был человеком, не особо стеснявшимся в выражениях. А уж выразиться он мог красочно и долго. Матерный слог главного инженера, не уступавший певучести пушкинским творениям, животворящим ручьем изливался на весь завод, вгоняя в краску молодых практиканток и вызывая неподдельную зависть у старожилов.

Прислушав вкратце изложенную альтернативную биографию и узнав о ближайших перспективах из уст раздосадованного главного инженера, Петрович принялся устранять неполадку. На удивление, щиток был исправен, о чем свидетельствовал яркий огонек тестера в руках электрика. И без того непростое дело усложнялось на глазах. Еще бы! Пятница! Вечер! И Петрович навеселе. События норовили повториться...

Единственным местом где, возможно, таилась проблема, был большой железный короб, присобаченный к первому от заводоуправления фонарю. Залезть в него можно было сквозь небольшие железные дверцы внизу, став по-собачьи и извернувшись дугой. За эту удачную конструкцию Петрович не единожды возблагодарил ее создателя, отводя тому отдельный котел в аду. Но делать было нечего, надо было устранять.

Оставив робу в помещении, чтобы не измазать и нацепив на голову фонарь, Петрович ринулся в бой, приняв весьма неоднозначную позу. И ведь, как на беду, тестер остался в робе. Не бежать же за ним, не так ли?

Беда не приходит одна...

Гороховая каша, съеденная Петровичем в обед, была на редкость вкусна. Но, видимо, что-то в рецепте не очень сочеталось с организмом электрика. Это «несочетание» буквально через час дало о себе знать загадочными бурлениями в животе и вполне конкретными позывами. Опасную симптоматику Петрович, как ему показалось, успешно подавил пятью стопарями «Пшеничной». Но ему показалось. Естество остро дало о себе знать, как только Петрович подле ящика принял позу, не очень-то приличную для приличной женщины и категорично неприемлемую для нормального мужика. Променад в заводоуправление и обратно грозила перерасти в сущую катастрофу перед лицом высокого начальства.

Особую пикантность позе придавали штаны, весьма неплотно державшиеся на иссушенном торсе электрика. Так и не найдя на чем держаться, штаны аккуратно сползли, обнажив волосатый зад Петровича взору главного инженера, стоявшего сразу за ним.

Каждый электрик знает, как в критических ситуациях обойтись без тестера. Петрович, будучи настоящим электриком в критической ситуации, принял волевое решение аккуратно потрогать пальцем соединение. Быстро так, вскользь. Если тяпнет – значит ток есть.

Но за палец Петровича никто не тяпнул. А это означало, что проблема таилась в кабеле, идущем к наружному освещению. И это автоматически означало, что решение такой масштабной проблемы точно откладывается на неопределенный срок. Ну, хотя бы до понедельника. На радостях, Петрович встрепенулся и лихо мотнул головой вверх, со всего маху приехав плешью во что-то железное и твердое, напоминавшее контакт. И Петровича ТЯПНУЛО.

Позабыв о пикантности позы, о высоком начальстве, о природных позывах и обо всем мирском, Петрович устремился в небеса. В это раз пендель был очень хорош!

Возле стойки Петровича уже ожидал совсем не добрый Рыжий в компании двоих светлых мужичков. На этот раз компанию Рыжему составил Маляр и еще один долговязый паренек. Высокий и худой, на тоненьких ножках, с пышными, кучерявыми волосами почти белого цвета, торчавшими в разные стороны, паренек очень смахивал на одуванчик.

Завидев знакомое лицо, Петрович воодушевился и на свою беду выпалил:

– О, снова галюн!

Рыжий, по-видимому, не очень согласный с такой трактовкой, незамедлительно отписал Петровичу смачную плюху. Версия о галлюцинациях тут же была отвергнута Петровичем, как несостоятельная.

– Не ждал я столь скорого свидания! – начал Рыжий. – И месяца не прошло. Но на собственную жизнь у тебя, как я погляжу, другие планы.

– Не понял, – с наивным непониманием ответил Петрович.

– А чего ты не понял, угорь электрический? То, что тебя током побило? Или то, что ты – хронический идиот?

– Как током? – продолжая тупить, возражал Петрович. – Линия то обесточена была! Я же пальцем ее пробовал!

– Ты бы еще ...

– Молчать! – тут же прервала Рыжего Кассирша, доселе тихо писавшая что-то.

– ... детородным органом попробовал! – повинувшись требованию ее величества бюрократии, перефразировал Рыжий. – Или ты думаешь, тебя в башку Амур стрелой долбанул?!

Твою дивизию! Неужели он, опытный электрик, опять дал маху?!

– Раз уж каску не носишь, хоть бы шапочку-вонючку свою одел! – продолжал Рыжий.

У Петровича действительно была вязаная шапочка, которая уже давно валялась в ящике электрика среди пыльных инструментов. Петрович надевал ее неохотно. Шапка неприятно кусала досадную плешь электрика и вызывала дикое чесание головы.

Подле Рыжего стояли и мило улыбались Маляр с Одуванчиком, предвкушая, видимо, дальнейшие повороты на редкость интеллектуального диалога.

– Вот ты, блин, покосившаяся вершина эволюции, вот почему ты тестер с собой не прихватил? – продолжал уличать Петровича в недочетах Рыжий.

– Так он того, в заводе был... – смело ответил Петрович, наивно полагая, что его ответа достаточно для оправдания.

– А с собой прихватить – не судьба? Это ж не ящик пива, неандерталец хренов!

Ну, ящик пива Петрович бы точно не оставил!

– Я его... того... забыл... – промямлил Петрович.

– Я тебе этот тестер в задницу воткну! – не унимался Рыжий. – Всегда под рукой будет. Тем более что руки у тебя оттуда же растут! Или лучше лом! Память здорово тренирует, склеротик!

– Не надо! – виновато ответил Петрович, понимая, что лом в заднем проходе ему по жизни понадобится меньше, чем тестер.

– Кстати, искрометный мой, – Рыжий разувался, предвкушая, видимо, какую-то пакость, – тебе твоя задница знатный сюрприз подготовила.

Маляр и Одуванчик, стоявшие рядом, расхохотались. Они, гады, наверняка знали, какой это такой сюрприз ждал беднягу Петровича! Лишь Петровичу было совсем не весело. Почему-то живо представлялся ржавый лом, которым дворник отбивал зимой наледь со ступенек. И виделся этот самый лом совсем не в руках у дворника!

– Так ведь напряжения-то... – продолжая не верить в свою досадную оплошность и ища ответа, предполагал Петрович, – не было его. Я же пробовал.

– Да ты, как я погляжу, совсем дурачок! – как теплое пиво, тут же вспенился Рыжий. – Напряжение-то! Пробовал! С какого лешего ты вдруг решил, что напряжения нет? Чердаком проверил? Долбануло? Если техника безопасности тебе уже не указчик – мозгами хоть воспользуйся! Тебя же, остолопа, в технаре учили! Думать учили, прежде чем свою бестолковку совать куда ни попади!

– Ну да. У меня и допуски есть, – оправдывался Петрович.

– Да я б тебе, падлюка, к батарееке допуск бы не давал!

– Так ведь не было же!

– Ты мне, гад, поспорь еще тут! Я тебе, полупроводнику, высоковольтную линию к котлу проведу!

Петрович решил прекратить бесполезный спор. Тем более что оправдательных аргументов у него, к сожалению, не было.

– Слушай, ну почему именно мне такие сказочные до..., персонажи достаются?! – взмолился Рыжий, обращаясь уже к Кассирше. – Вот чего не им, довольным мордам? – и Рыжий показал в сторону Одуванчика и Маляра, стоявших с откровенно довольными физиономиями.

Кассирша вместо ответа вручила Рыжему какую-то бумажку.

Рыжий глянул на бумажку и сквозь зубы прошипел что-то нецензурное.

– Пошел вон! – рявкнул он Петровичу. – В ближайшие двадцать лет я тебя видеть не хочу!

Рыжий щелкнул пальцами, и Петрович мигом оказался... на больничной койке.

Дико болела башка. Еще бы! На многострадальной плечи электрика, и без того не изобиловавшей растительностью, образовался шикарный шрам, как напоминание о славных подвигах мастера своего дела.

Но головная боль была лишь малой толикой того безутешного горя, что посетило Петровича, разделив его вполне размеренную жизнь на «до» и «после». Об этом удивительном по смелости событии Петровичу поведал Пяткин, пришедший в больницу проведать невинно пострадавшего электрика.

Да! Это событие войдет в анналы истории славных будней завода! О нем уже судачили все, кто имел язык и уши. Этот подвиг грозил стать притчей во языцех, быстро выпорхнув за пределы производства.

Никто! Никто из смертных, кроме нахальных голубей и годовалого внука, не смел так беспардонно обгадить главного инженера, в буквальном смысле этого слова! Когда Петрович, стоя в позе Сфинкса, пытался понять истинную суть тьмы, он попутно боролся с абсолютно естественными, но крайне несвоевременными позывами организма. И лишь невероятная сила воли Анатолия Петровича сдерживала негативное развитие ситуации. Как оказалось, сила тока куда мощнее силы воли. Как только святой Ампер захватил власть над телом незадачливого электрика, все его естество, до капли, с ураганной силой выстрелило наружу, уже не будучи

сдерживаемым ничем. В лучших традициях черного юмора, выстрел пришелся как раз в того, кто на свою беду стоял сразу за Петровичем. Главный инженер, совсем не подозревавший о надвигающейся опасности, был обстрелян прямой наводкой уже безвольным орудием в руках коварного тока.

Пяткин умел здорово рассказать! Он смаковал каждый момент, то прерываясь на смех, то делая театральные паузы. Он мастерски обыгрывал каждый момент того, что было «до» и что стряслось «после». А Петрович? Бедняга краснел и бледнел по ходу рассказа, меняя цвета, как хамелеон, стонал и плакал... Такого конфуза в жизни Петровича еще не было! Петрович думал о том, как он, местами приличный человек, станет смотреть людям в глаза. Он с ужасом представлял, что с ним будет дальше. Даже повешенье посреди цеха казалось ему величайшей милостью!

Но судьба была благосклонна к Петровичу. За ту неделю, что он провел в больнице, его никто не четверговал, не сжег и не расчленил тупым ножом. Даже больше! Его еще никогда так тепло не встречали на заводе! Теперь он был не просто Петровичем. Он стал «Артиллеристом» и «Ворошиловским стрелком»! Авторитет обычного электрика в глазах сотрудников возвысился до небес. Даже начальник цеха какое-то время был весьма почтителен с Петровичем, ехидно улыбаясь и издавая ртом в сторонку неоднозначные звуки. А главный инженер с того момента предпочитал не приближаться к Петровичу ближе чем на пять метров.

Теперь Петрович твердо решил приобрести две вещи: ремень и головной убор. И вскоре на его сухом торсе красовался кожаный ремень с блестящей бляхой, а голову украшала модная шапочка с надписью «Superman».

Серые будни рабочего человека вновь поглотили все буйство красок жизни, измазав все яркие оттенки памятных воспоминаний своей серостью. Унылая жизнь текла своим чередом, изредка прерывая свою унылость в дни авансов, получек и чьих-то дней рождения.

А вечерами... вечерами, после парочки заслуженных стопарей, Петрович курил, лежа на продавленном диване, и вслушивался в голоса многоквартирного дома. Дома ведь тоже умеют говорить, не так ли?

Дом Петровича, со всеми его квартирами, подъездами, двором и трансформаторной будкой был чрезвычайно многоголосым. Двор голосил воющей сигнализацией какого-то авто, владелец которого еще не ловил кирпич в лобовое, криками мальчишек, гонявших ошалевшего кота, суровой руганью мужиков и истеричными криками их прекрасных половинок. Из подъезда доносилось чахоточное кашлянье соседа, вышедшего проветрить засмоленные легкие. Сверху дом топтался пудовыми тапочками с железными набойками. Справа назойливо бубнил телевизор, включенный на полную громкость практически глухой и от того еще более вредной Клавдией Ивановной. А снизу... Снизу едва слышно доносился задорный детский смех и чье-то женское: «Сейчас поймаю!».

В жизни Петровича тоже были такие голоса. И женский: ласковый, нежный и любящий. И детский. Младенческий плач, сводивший с ума и днем, и ночью. Первое, выдавливающее слезу даже с самого сурового мужика, слово: «Папа». И ночные скандалы, слезы и мольбы: «Толя, не пей!». Все это было... И как-то в одночасье стихло с последним стуком дверью. С годами голоса минувших дней стихали, перемешиваясь с однотонным гулом рутинного бытия. Петрович уже едва мог вспомнить те интонации, те оттенки и переливы, что когда-то звучали в унисон с его порхающей душой. Все когда-нибудь проходит: и радость, и боль, и разочарование... Когда-нибудь, в самый неподходящий момент, вот так вот хлопнув дверью перед самым носом, уйдет жизнь. Уйдет, так и не дав сделать самого главного, самого важного, самого-самого, что сделать следовало в первую очередь.

Внезапно телевизор справа затих, сменившись старушечьими причитаниями, вскорости переросшими в брань скрипучим, старушечьим голосом.

– Да ты ж ирод окаянный, сто чертей тебе в зад!

«По мою душу» – быстро смекнул Петрович и, нырнув в тапочки, выскочил в подъезд в продранных труселях и майке-алкоголичке.

Клавдия Ивановна, почтенная старушка, современница Сталина и ярый адепт коммунизма, внезапно лишилась последней радости жизни. Телевизор, бывший ее глазами и ушами, скоростно прекратил вещание, уставившись на нее одним, как у циклопа, выпуклым глазом.

– Да что ж это деется? – причитала Ивановна. – Ты ж, лиходей, давеча мне говорил, что будет работать. Ты ж, гад, даже пузырь вперед взял, чтоб тебе пусто было!

Петрович вспомнил, как клятвенно обещал своей соседке починить проводку. В ее квартире, видевшей последний раз ремонт сразу после постройки дома, все давно пришло в полнейшую негодность. Розетки, питавшие электроприборы живительным током, просто разваливались на глазах. Да и проводка была ни к черту. Ремонт старушка делать не собиралась. К чему он ей на старости? Петровичу в возникшей ситуации ничего не оставалось делать, как кинуть пару проводов от электрического щитка в квартире.

Петрович намеревался протянуть провода по плинтусам и надежно их закрепить, чтобы бабка ненароком не перецепилась и не дала дуба, рухнув по вине соседа. Он даже кинул «временные меры» в виде свободно болтавшихся проводов, которые змеей вились к переноске телевизора. И он даже клятвенно пообещал «все сделать», взяв со старушки аванс поллитровкой. Но руки никак не доходили. Само собой, провод, питавший отраду жизни Ивановны, постоянно задевался, бился дверью о лутку и выдерживался, нарушая «временное соединение».

Петрович резво мотнулся за отверткой и, будучи облаченным в продранные семейники с майкой-алкоголичкой, полез на табуретку, чтобы восстановить справедливость и дать жизнь скоростно потухшему зомбоящику. Электрик прекрасно помнил досадный инцидент, ставший с ним на заводе. Но обесточить щиток в квартире не представлялось возможным. Чахоточный пенсионер-маразматик, дабы пресечь возможное воровство родненькой электроэнергии коварными недругами, задул щиток на этаже монтажной пеной. И чтобы обесточить старушку, нужно было обесточить весь дом. А такого проступка соседи Петровичу точны бы не простили.

С аккуратностью врача-офтальмолога, Петрович скрутил петлю, вставил в нее болт и уже готовился к главной части операции: точному попаданию в резьбу контакта. Чтобы болт не выпадал, Петрович предусмотрительно поместил в борозду немного пластилина. Болт четко держался на отвертке, петля на болте, провод на петле... Все было более чем продумано. Единственной непродуманной вещью был сам провод, спагетинной ниспадавший на пол и норовивший своей тяжестью открепить болт с отвертки. Петрович зачихнул провод себе между ног, облегчив тем самым всю конструкцию.

Каждый настоящий электрик знает: изоляции доверять нельзя! Даже если выглядит она вполне сносно. Знамо дело, Петрович был в курсе, но то ли позднее время, то ли заслуженные 200 грамм... Петрович упустил из виду самое главное. Провод, который бился и пинался старушкой достаточно длительное время, так обнажил свою медную внутренность. И именно в том месте, которое горе-электрик так крепко прижимал к себе. Еще большей бедой было то, что семейники Петровича вытерлись до дыр именно там, в самом деликатном месте. И именно туда Петрович неосмотрительно прислонил провод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.